

ВОСПОМИНАНІЯ НИКОЛАЯ ИГНАТЬЕВИЧА ШЕНИГА.

I.

Послѣдніе дни и кончина Александра Павловича.

Въ 1825 году, управляя первымъ отдѣленіемъ канцеляріи генераль-квартирмейстера Главнаго Штаба, состоялъ я и преподавателемъ Русскаго языка и военнаго стиля въ Школѣ Колонновожатыхъ. Ежедневное занятіе бумагами и преподаваніе такого предмета, который многіе изъ учениковъ моихъ знали лучше меня, возродило во мнѣ желаніе получить ежели не другое назначеніе, то по крайней мѣрѣ временную откомандировку. Вообще же положеніемъ моимъ по службѣ я былъ доволенъ: я имѣлъ казенную квартиру въ домѣ Главнаго Штаба и получалъ двойное жалованье за преподаваніе въ школѣ.

31-го Августа, окончивъ мое преподаваніе колонновожатымъ, пришелъ я къ флигель-адъютанту Дурнову, бывшему тогда библіотекаремъ, и совсѣмъ неожиданно былъ обрадованъ отъ него поздравленіемъ съ путешествіемъ въ Таганрогъ. Черезъ полчаса прислалъ мнѣ Ризенкамппфъ предписаніе Дибича немедленно отправиться въ Саратовъ съ отношеніемъ къ тамошнему губернатору Панчулидзеву, отъ котораго узнать: 1) какова дорога отъ Саратова черезъ Вольскъ, Овсяной Гай или Мосты до Уральска и 2) есть ли способъ выставить по сему тракту нужное число лошадей для проѣзда Государя Императора. Сіи свѣдѣнія долженъ я доставить въ Таганрогъ, и собственною рукою Дибича приписано: *непретѣнно прежде 20-го Сентября*. Вмѣстѣ съ симъ вручена мнѣ была подорожная на три курьерскихъ лошади и 1.603 р. 14 к. асс. прогоновъ. Мѣшкать было нельзя; я бросился въ лавки сдѣлать необходимыя для дороги закупки: сапоги, пистолеты, саблю и пр., и отобѣдалъ у Алексѣя Николаевича Сердобина, не думая тогда, что я когда-нибудь буду его шуриномъ. Дружба моя съ нимъ началась въ 1821-мъ году въ масонской ложѣ, и мы почти съ первой минуты подружились съ нимъ, какъ родные. Въ этотъ разъ онъ плакалъ, разставаясь со мною и меня самого растрогалъ до слезъ. Утро

1-го Сентября прошло въ сдѣлѣ дѣлъ, прощаньи съ товарищами и проч.; а обѣдать я долженъ былъ у Александра Антоновича Скалона вмѣстѣ съ Корниловичемъ и Петромъ Львовымъ, котораго родные его поручили ему отвезти до Тульчина, какъ молоденькаго и нигдѣ небывалаго офицера; Корниловичъ же ѣхалъ на Волюнь въ отпускъ къ матери. Думалъ ли я тогда, что вижу его въ послѣдній разъ, и что онъ такъ несчастливо кончитъ свое земное поприще!

Отобѣдавъ, въ 5-мъ часу пополудни выѣхалъ я изъ Петербурга на перекладной. До Валдая по Московской дорогѣ было шоссе готово, но далѣе должно было ѣхать по скверной деревянной и каменной мостовой. Перекладная растрясла меня жестоко. 3-го числа догналъ я полковника Александра Андреевича Фридрихса, ѣхавшаго въ Таганрогъ комендантомъ и у котораго отъ дороги разсыпалась бричка; оставивъ его, занятаго починкою, я съ трудомъ доскакалъ до Вышняго Волочка, съ сильною головою болью и распухшею щекою, думая отдохнуть немного у пріятеля моего, полковника путей сообщенія Андрея Егоровича Головинскаго, который былъ тогда начальникомъ Вышневолоцкой системы; но къ несчастію я не нашелъ его въ городѣ, а у жены его (урожденной Баженовой), съ которой не былъ коротко знакомъ, напился только чаю и поскакалъ далѣе. Пріѣхавъ въ Торжокъ, я увидѣлъ у трактира Пожарскаго дилижансъ и, въ надеждѣ найти въ немъ мѣсто, бросился къ пассажирамъ; но какъ удивился я, нашедъ полковника Берга, графа Александра Толстаго (тогда Дибичева адъютанта) и капитана Вальховскаго, моего товарища. Они всѣ трое ѣхали въ Оренбургъ для экспедиціи въ Киргизскую степь. Увидѣвъ мое истощенное лицо, съ удовольствіемъ предложили они мнѣ четвертое мѣсто, и я, пообѣдавъ, сѣлъ съ ними въ дилижансъ и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ спалъ, какъ убитый. Человѣкъ мой (Моисей Андреевъ) скакалъ за нами въ перекладной съ моими вещами.

Поѣздка съ этими тремя товарищами была очень пріятна, хотя весь разговоръ оставался за Бергомъ. Разсказамъ его не было конца, и со всѣмъ тѣмъ болтовня его была забавна и занимательна. Между прочимъ онъ хвасталъ своими сапогами, которые дѣлалъ ему по дружбѣ будто бы извѣстный Ронкетти, Миланскій сапожникъ, прозванный *le cordonnier des congrès*. Онъ, будучи отличнымъ мастеромъ, богатъ, имѣетъ свою картинную галерею и теперь работаетъ *son atome*, для однихъ коронованныхъ особъ и своихъ пріятелей. Государь Александръ Павловичъ носилъ обыкновенно гусарскіе сапоги его работы и всякій разъ посылалъ ему богатые подарки. Извѣстенъ анекдотъ его съ Мюратомъ. Во время Итальянскаго похода, Мюратъ, будучи еще только кавалерійскимъ генераломъ, износивши всю свою Парижскую обувь,

вошелъ въ Миланъ и сейчасъ заказалъ себѣ сапоги лучшимъ Итальянскимъ сапожникамъ. Ни одинъ не угодилъ его причудливому вкусу, и онъ объявилъ, что, кромѣ Парижа, нигдѣ не умѣютъ сдѣлать хорошей пары сапоговъ. Ронкетти узнаетъ объ его отзывѣ, является къ нему съ предложеніемъ услугъ и снимаетъ мѣрку. Черезъ нѣсколько дней онъ приноситъ сапогъ для правой ноги, и Мюратъ, надѣвъ его, въ восторгѣ: находитъ, что и Парижскій его сапожникъ никогда не обувалъ его въ такомъ совершенствѣ. Требуешь поскорѣ сапога для лѣвой ноги; но Ронкетти говоритъ ему, что онъ хотѣлъ только опровергнуть несправедливость его отзыва, но, что, будучи сапожникомъ-аматеромъ, онъ ни за какую плату не намѣренъ дѣлать другаго сапога. Ни угрозы, ни ласки, ни обѣщанія не перемѣнили его упорства, и Мюратъ въ бѣшенствѣ долженъ былъ дожидаться своей Парижской обуви.

4-го числа, въ 7 ч. вечера, пріѣхали мы въ Москву, и я у Иверскихъ воротъ простился съ моими товарищами, пересѣлъ на телѣгу, поѣхалъ прямо къ коменданту для прописки подорожной, и заѣхалъ поужинать къ Дм. Матв. Матвѣеву, управлявшему тогда дѣлами П. И. Юшкова. Я намѣренъ былъ ту же ночь скакать далѣе, но Матвѣевъ уговорилъ переночевать, увѣряя, что мнѣ ближе будетъ ѣхать на Тамбовъ, а не на Пензу и что на утро я могу подробнѣе узнать объ этомъ въ почтамтѣ. На другой день я сдѣлалъ справку и нашелъ, что мой трактъ ближайшій и потому, позавтракавъ, пустился въ дальнѣйшій путь, и 6-го числа рано утромъ былъ въ Судогдѣ. День былъ торговый, и меня узнали мой Сорокинскій староста и мужики; пока закладывали лошадей, прибѣжалъ судья Шестаковъ и упросилъ заѣхать къ нему на чашку чая. Къ вечеру пріѣхалъ я въ Муромъ, гдѣ за 2 р. асс. наѣлся вдоволь ухи изъ свѣжихъ стерлядей. Утромъ 7-го числа проѣхалъ Арзамасъ, ночью Саранскъ и къ обѣду 8-го прибылъ въ Пензу.

Скакавши сломя голову, я радъ былъ порядочно отобѣдать, когда привезли меня въ трактиръ къ какому-то Нѣмцу, гдѣ меня порядочно покормили. Въ другой комнатѣ шелъ разгульный гусарскій пиръ. Квартирующіе въ Пензѣ гусары пили и играли, а въ прихожей дожидался городской маклеръ съ книгою для приведенія въ порядокъ счетовъ. На 2-ю станцію отъ Пензы, Борисовку, пріѣхалъ я въ глухую ночь; было такъ темно, что нельзя было различить кучера. Я велѣлъ постлатъ соломы и растянулся въ телѣгѣ, приказавъ ѣхать осторожнѣе; но мой кучеръ погналъ во весь опоръ и въ часъ съ четвертью примчалъ меня въ Кондоль, 24 версты. 9-го, въ 2 ч. пополудни, пріѣхалъ я въ Саратовъ. Городъ прелестный, лучший изъ губернскихъ, мною видѣнныхъ. Остановясь въ трактирѣ и переодѣвшись, я поскакалъ на дачу губер-

натора Панчулидзева, который, призвавъ исправника, доставилъ мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія о дорогѣ въ Уральскъ. Препятствій для проѣзда Государя никакихъ не будетъ, и выставить лошадей будетъ весьма легко. Тутъ встрѣтилъ я князя Дм. Петр. Волконскаго, рыжаго, котораго зналъ еще въ Петербургѣ по его связямъ съ актрисою Dangeville van-der-Berg: онъ сначала передавалъ ей нѣсколько сотъ тысячъ, а послѣ опять все перебралъ назадъ, потомъ промоталъ всѣ богатые имѣнія и умеръ въ бѣдности подполковникомъ въ Грузіи. Онъ жилъ въ одномъ трактирѣ со мною и звалъ къ себѣ на стерлядей. Окончивъ мое дѣло съ губернаторомъ, надобно было отыскать полковника Ренненкампа, чтобы заказать ему топографическіе маршруты для проѣзда Государя. У Ренненкампа нашелъ я знакомыхъ моихъ офицеровъ-товарищей: Ситникова, Полторацкаго, Ив. Яковлева, которые всѣ уже трудились надъ составленіемъ маршрутовъ и ѣдутъ къ Уральску. Они дополнили данныя мнѣ губернаторомъ свѣдѣнія, и я, пріѣхавъ домой, написалъ Дибичу подробный рапортъ и приложилъ карту для лучшаго объясненія.

10-го числа утромъ, позавтракавши стерлядьми и огромными Волжскими раками у сосѣда моего кн. Волконскаго, я выѣхалъ въ 12 ч. по тракту къ Царицыну. Отъ Саратова дорога идетъ отличная, съ высокимъ валомъ по обѣимъ сторонамъ и каждую $\frac{1}{4}$ версты съ высокими столбами для зимняго мятельнаго времени. Проѣздомъ черезъ Нѣмецкія колоніи, ямщикъ разсказалъ мнѣ про какого-то стараго Француза, который живетъ давно въ колоніи. Я призвалъ его и долго разговаривалъ; онъ вышелъ изъ Франціи еще до революціи и совершенно чуждъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли послѣ него. По всему видно, что онъ изъ простаго класса; хотя и долго живетъ съ Нѣмцами, но не утратилъ ни Французской живости, ни выговора.—11-го числа, въ 8 ч. веч., пріѣхалъ въ Царицынъ, гдѣ, отужинавъ у содержателя почты, поѣхалъ далѣе и утромъ остановился дожидаться лошадей на Дону въ Пяти-избенской станицѣ, у атамана Денисова. Въ станицахъ строенія хороши, но все деревянные, одноэтажныя; и казаки, боясь иностранцевъ, держатъ ворота на заперты и ставни у оконъ затворены. Пріѣзжающій, хотя бы умиралъ съ голоду, не будетъ пущенъ въ домъ, а поведутъ его въ станичную избу, гдѣ накормятъ и напоятъ Донскимъ виномъ. Образъ жизни офицера не отличается отъ простаго казака и только зависитъ отъ достатка. У моего атамана Денисова въ домѣ лавки, и мы сидѣли на сундукахъ, покрытыхъ коврами; самъ онъ былъ въ нагольномъ тулупѣ. Дождавшись лошадей, которыя по всему Дону почти находились не на станицахъ, а въ полѣ, я поѣхалъ далѣе до Черкаска. Арбузовъ и дынь множество, а равно и винограду, который

однакоже я долженъ былъ доставать за деньги. Всѣ почти станціи удалены отъ станицъ и, ѣхавъ по большой дорогѣ, видишь большія селенія въ верстѣ; а пріѣхавъ на станцію, ничего не найдешь кромѣ арбузовъ.

Въ полночь 13-го числа проѣхалъ я Черкасскъ (ничего объ немъ не могу сказать) и рано по утру прибылъ въ Ростовъ, гдѣ нашелъ товарища моего Алекс. Льв. Кожевникова и, напившись съ нимъ у Жидачаю, въ 11 ч. утра выѣхалъ въ Таганрогъ. Государь пріѣхалъ сюда въ ночь и въ это время находился въ соборѣ, куда собрался и весь городъ. Переодѣвшись, явился я къ Дибичу и представилъ мое донесеніе. Онъ удивился моему скорому пріѣзду и, распросивъ подробности объ Уральской дорогѣ, отпустилъ домой, обѣщая позвать къ себѣ вечеромъ. У Дибича нашелъ я товарища моего, капитана Венцеля (нынѣ генер.-маіоръ и директоръ гражданскихъ топографовъ), котораго прежде зналъ только по спискамъ.

Съ Государемъ пріѣхали Ив. Ив. Дибичъ, полковникъ Аѳанасій Даниловичъ Соломка, генералъ-штабъ-докторъ баронетъ Яковъ Васильевичъ Вилье, директоръ канцеляріи Дибича Иванъ Зиновьевичъ Ваценко (нынѣ сенаторъ), состоящій при Вилье Дмитрій Климентьевичъ Тарасовъ (нынѣ директоръ военно-медицинскаго департамента); при канцеляріи Дибича капитанъ Александръ Григорьевичъ Виладовъ (нынѣ генер.-маіоръ, дерект. гидрографическаго департамента), Никол. Мих. Пѣтуховъ (нынѣ д. ст. сов. и членъ Кабинета), гоффурьеръ Григорій Даниловичъ Бабкинъ, фельдъегерскаго корпуса капитанъ Годафруа, метръ д'отель Оедоръ Ивановичъ Миллеръ, камердинеры: Анисимовъ и Оедоровъ, лакеи: Брунстъ, Архіереевъ, Метальниковъ и Завитаевъ, кучеръ Илья Байковъ и пѣвчій Берлинскій. Государь остановился въ каменномъ одноэтажномъ домѣ, въ которомъ посрединѣ зала сквозная во всю ширину дома, на право кабинетъ и туалетная, а на лѣво нѣсколько небольшихъ комнатъ для Государыни. Тутъ же устроили домовую церковь, въ которой служилъ приходскій священникъ отецъ Оедотъ. Берлинскій набралъ челоѣкъ 8 кантонистовъ и изъ нихъ составилъ хоръ. Черезъ дворъ, къ сторонѣ моря, въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ помѣщался Дибичъ въ 3-хъ комнатахъ, и приготовлена тутъ же квартира для князя Волконскаго. Для караула при дворцѣ пришли изъ Черкаска два эскадрона лейбъ-казаковъ подъ командою ротмистра Степ. Степ. Николаева (нынѣ генер.-маіора). Градоначальникомъ въ Таганрогъ Дунаевъ, а полицеймейстеромъ отставной гусаръ Абсентовъ. Дворянства въ городѣ нѣтъ, а общество состоитъ изъ небогатыхъ кунцовъ, большею частію Грековъ, которые, пользуясь званіемъ консуловъ разныхъ державъ, носятъ фантастическіе мундиры съ раз-

нымъ шитьемъ. Уѣзднымъ докторомъ Французъ *Meunier*, бывшій въ Персіи; носить Персидскій орденъ вмѣсто звѣзды и зеленую ленту черезъ плечо; хвастунъ ужасный, увѣряетъ, что лечилъ шаха и его женъ въ гаремѣ и *que peut-être on verra un jour un chach de ma façon*.

Въ 9 ч. вечера Дибичъ, призвавъ меня къ себѣ, долго спрашивалъ о дорогахъ, благодарилъ за скорое и удовлетворительное исполненіе и, поручивъ скопировать планъ Таганрога, сказалъ, что послѣ того я могу ѣхать обратно въ Петербургъ, а по желанію моему пробывать нѣсколько недѣль въ Орлѣ. Судьба опредѣлила однакожь иначе и спасла меня, можетъ быть, отъ гибели.

На другой день, согласившись съ Венцелемъ, мы вытребовали себѣ казенную квартиру по близости дворца, и намъ отвели ее у купца Палеолога, гдѣ до 18-го числа я занимался копированіемъ плана, и потомъ съ Дунаевымъ далъ новое названіе улицамъ и площадямъ. Дибичъ представилъ этотъ планъ Государю, который собственноручно сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ названіяхъ: вмѣсто *Александровской*—*Петербургская* улица, вмѣсто *Елисаветинской* площади—*Екатерининская*.

20-го числа пріѣхалъ въ Таганрогъ графъ Воронцовъ съ женою и чиновниками: Левшинымъ (впослѣдствіи градоначальникъ Одессы и директоръ департамента госуд. имуществъ), Франкомъ, Завальевскимъ и др. Пріѣхалъ также Алексѣй Алекс. Перовскій, попечитель Харьковскаго Университета. 22-го числа былъ балъ и ужинъ въ клубѣ. Государь, Дибичъ, гр. Воронцовъ въ башмакахъ и лентахъ; а мы, т.-е. я, Венцель, капит. Алекс. Львов. Кожевниковъ (недавно пріѣхавшій и жившій съ нами) въ бѣлыхъ панталонахъ и ботфортахъ; это наблюдалось и на другихъ балахъ въ клубѣ, которые давались почти каждое воскресенье и на которыхъ всегда присутствовалъ Государь и танцевалъ Польскій. Изъ дамъ, кромѣ графини Воронцовой, не было почти никого изъ дворянскаго сословія, да еще жѣны казаковъ, и большую часть публики и танцоровъ составляло Таганрогское купечество, Гречанки, коихъ отцы и мужья, пользуясь званіемъ консуловъ, разгуливали въ фантастическихъ мундирахъ. Изъ числа дѣвицъ обращала на себя вниманіе Государя m^{lle} Floguin, также купеческая дочь, воспитывавшаяся въ Институтѣ.

23-го назначенъ былъ пріѣздъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, и всѣмъ намъ и городскимъ жителямъ велѣно было въ парадѣ собраться въ Греческомъ монастырѣ, построенномъ купцомъ Варвациемъ и въ которомъ находился архимандритъ изъ Іерусалима. Государь съ Дибичемъ отправился въ 4 ч. пополудни на первую станцію и въ 6 час. веч. подъѣхалъ къ церкви въ одномъ экипажѣ съ Государыней. Она была такъ слаба, что ее внесли въ креслахъ, и послѣ весьма краткаго мо-

лебна Государь повезъ ее во дворець, а насъ всѣхъ повелъ Дибичъ представлять князу П. М. Волконскому.

Князь узналъ меня и, въ качествѣ стариннаго начальника, поручилъ составить топографическую карту окрестностей города, въ родѣ Французской *carte de chasse* для того, чтобы имѣть ее при себѣ, ходя на охоту, и я до 8-го числа Октября занимался съемкою на разстояніи 10 верстъ около Таганрога.

Съ Государыней кромѣ Волконскаго пріѣхалъ Николай Мих. Лонгиновъ, ея секретарь (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта), лейбъ-медикъ Штофрегенъ и при немъ докторъ Рейнгольдъ и фармацевтъ Добертъ; старыя фрейлины Екат. Петровна Валуева и княжна Варвара Михайловна Волконская, сестра князя; двѣ камеръюнгферы и нѣсколько нижей прислуги.

Передъ ея пріѣздомъ были дожди и время холодное; но со дня пріѣзда время разгулялось, и погода сдѣлалась сухая и пріятная. Въ ожиданіи Государыни Императоръ заботился о приведеніи въ порядокъ городского сада и самъ съ Венцелемъ разбивалъ дорожки. Черезъ нѣсколько дней Императрица ожила и физически и морально: давно не жила она въ такомъ близкомъ и дружескомъ отношеніи къ супругу, и это благотворно подѣйствовало на ея здоровье. Черезъ нѣсколько дней начала она по немногу, и всегда въ сопровожденіи Государя, кататься въ открытыхъ дрожкахъ, а потомъ и довольно долго гулять съ нимъ по саду. Государь аккуратно въ 10 ч. утра ходилъ пѣшкомъ по городу въ лейбъ-гусарскомъ сюртукѣ, гусарскихъ сапогахъ и въ фуражкѣ; а въ 1-мъ часу ѣздилъ верхомъ, обыкновенно въ кавалергардскомъ мундирѣ и въ шляпѣ, или въ дрожкахъ съ Императрицею. Кучеромъ всегда былъ Илья Байковъ. По военной части Государь занимался съ Дибичемъ, а по другимъ самъ распечатывалъ привозимые пакеты и писалъ резолюціи. Въ обращеніи былъ необыкновенно доступенъ и разговаривалъ на улицѣ со многими; между прочими удостоился и я этой чести. Императоръ два раза встрѣчалъ меня возвращающагося со съемки, останавливалъ и смотрѣлъ брѣвонъ, начерченный карандашомъ и спрашивалъ объ окрестностяхъ. Онъ казался покоенъ духомъ и веселъ; но, несмотря на то, его мучили подозрѣнія. Дибичъ, весьма откровенный съ глазу - на - глазъ, рассказывалъ самъ мнѣ (когда мы до коронаціи жили съ нимъ въ Петровскомъ дворцѣ, въ Москвѣ, въ двухъ комнатахъ и ежедневно обѣдали вдвоемъ), что Государь прислалъ за нимъ однажды утромъ и, показывая сухарь, вынулъ изъ него какой-то камешекъ, приказалъ строго разсмотрѣть, что это такое и какимъ образомъ могло туда попасться, сказавъ, что онъ не хочетъ этого поручить Волконскому, зная, что онъ старая баба

и ничего сдѣлать не сумѣть. Дибичъ призвалъ Вилье, который нашелъ, что это простой камешекъ; а хлѣбопекъ извинялся, что онъ попалъ въ сухарь по неосторожности. Насилу Дибичъ могъ его этимъ успокоить.

Караулъ около дворца содержали лейбъ-казаки, и Государь, замѣтивъ иногда унтеръ-офицера или вахмистра, обвѣшаннаго крестами, призывалъ ротмистра Николаева, спрашивалъ объ имени и службѣ и потомъ, проходя мимо караула, подзывалъ къ себѣ казака по прозванію и какъ будто припоминалъ его службу, и когда, и за что онъ получилъ кресты. Это восхищало казаковъ, которые были увѣрены, что у Государя необыкновенная память. Впрочемъ у него она была дѣйствительно развита въ высшей степени, и изъ многихъ случаевъ я припомнилъ анекдотъ, рассказанный мнѣ очевидцемъ, Александромъ Ив. Михайловскимъ-Данилевскимъ, бывшимъ флигель-адъютантомъ и сопровождавшимъ всегда князя Волконскаго на конгрессы. Въ 1818 году, Императоръ, кажется, изъ Ахена ѣздилъ на нѣсколько часовъ въ Парижъ, въ сопровожденіи князя и Данилевскаго. На Французской границѣ, гдѣ онъ остановился сбѣдать, явился командиръ полка съ почетнымъ карауломъ. Государь, отпустивъ караулъ, удержалъ полковника къ обѣду и во время стола, долго съ нимъ разговаривая, обернулся къ Данилевскому, сидѣвшему подлѣ Француза, и сказалъ по-русски: *Узнай, идѣ я его видѣлъ?* Данилевскій какъ будто въ разговорѣ спросилъ: видалъ ли онъ прежде Государя; но тотъ отвѣчалъ, что имѣть это счастье въ первый разъ въ жизни. Государь продолжалъ на него смотрѣть и, наконецъ, самъ сдѣлалъ ему тотъ же вопросъ; но полковникъ увѣрялъ, что никогда прежде не видывалъ Его Величества. Тогда Государь, улыбнувшись, сказалъ ему: «Я вижу, что моя память лучше; но понимаю также и причину вашего отпирательства. *Cela fait honneur à votre délicatesse* ¹⁾. Помните ли вы, что, будучи *guid'омъ* ²⁾ Наполеона, вы были имъ присланы ко мнѣ въ Тильзитъ съ извѣстнымъ порученіемъ его, что онъ, получивъ важнаго курьера изъ Франціи, не можетъ принять меня въ тотъ день къ себѣ обѣдать? Я и тогда, по замѣшательству вашему, видѣлъ, какъ неприличенъ вамъ казался этотъ невѣжливый поступокъ вашего Императора; а теперь, боясь возродить въ моей памяти непріятности прошедшаго, вы отпираетесь отъ моего знакомства». Полковникъ удивленъ былъ словами Государя и признался, что все это дѣйствительно правда. Послѣ обѣда врученъ ему богатый подарокъ.

¹⁾ Это дѣлаетъ честь вашему тонкому чувству.

²⁾ Провожатымъ.

Намѣреніе Государя было съѣздить въ Уральскъ; но, по случаю поздняго времени года, онъ рѣшился проѣхать только по Дону до Царицына. Для этого, 2-го Октября, Кожевниковъ былъ отправленъ по этому тракту для снятія маршрутовъ. Онъ исполнилъ свое дѣло очень скоро, такъ что черезъ пять дней возвратился; но, между тѣмъ, намѣреніе Императора перемѣнилось. Графъ Воронцовъ, видя, что здоровье Государыни поправилось, уговорилъ Государя воспользоваться прекрасною погодою и осмотрѣть Крымъ, увѣривъ, что можно вернуться еще до наступленія дождей и холода. Государь согласился, и намъ, офицерамъ Генеральнаго Штаба, сейчасъ же велѣно было заняться съемкою маршрутовъ; мнѣ—отъ Таганрога до Мариуполя и прислать къ 18-му числу къ Дибичу, а потомъ отъ Мариуполя по Ногайскимъ колоніямъ до Нѣмецкой колоніи Штейнбаха, и доставить въ Мариуполь къ 20-му. Вещелю приказано снимать отъ Штейнбаха до Перекопа, а Кожевникову отъ Перекопа по всему Крыму чрезъ Южный берегъ.

10-го числа выѣхали мы изъ Таганрога на свои дистанціи, и 11-го къ вечеру я пріѣхалъ въ Мариуполь, снявъ съ топографомъ Емельяновымъ всю дорогу. Три дня перечерчивали на-бѣло, и 13-го я отправилъ первую часть моихъ маршрутовъ къ Дибичу по эстафетѣ. На другой же день я поѣхалъ далѣе черезъ Мангупъ, Камышеватку, Николаевку, Айтамгалы, Югортмгалы до Ногайска, гдѣ и остановился у начальника Ногайскихъ колоній, маіора Байрактара. Всѣ Татарскія селенія хорошо устроены; почти въ каждомъ есть мечеть, и Татары понемногу привыкаютъ къ осѣдлости, но со всѣмъ тѣмъ не могутъ отстать отъ кочевыхъ своихъ привычекъ: почти у каждаго зажиточнаго Татарина стоитъ готовая осѣдланная лошадь и, завидѣвъ въ степи мою арбу, со всѣхъ сторонъ бросались ко мнѣ и конвоировали до первой перемѣны. По неимѣнію телѣгъ запрягали для меня двухколесную огромную арбу, впрягая по 8 и по 10 лошадей какъ ни попало, сидя верхомъ на коренныхъ и на пристяжныхъ; за неимѣніемъ дегтя, мазали оси коровьимъ масломъ, отчего ежеминутно загорались колеса. Окружающіе везли съ собою масло, на всемъ скаку набивали мнѣ трубки, подчивали плодами и услуживали кто чѣмъ могъ. Изъ Ногайска поѣхалъ я черезъ Бескекле, Аргаклы до Нѣмецкой колоніи Штейнбаха, гдѣ ожидало меня совсѣмъ другое. Тутъ нашелъ я уголокъ Германіи: чистые домики, брички и лошади въ шорахъ, Нѣмцевъ въ короткихъ штанахъ, сады съ цвѣтами и вообще большой порядокъ. Это менонисты, переселившіеся изъ Силезіи, и нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно разбогатѣли. Ихъ колоніи смежны съ селеніями духоборцевъ, Русскихъ менонистовъ, и они живутъ съ ними въ большой дружбѣ и согласіи. Въ Штейнбахѣ колонистка дала мнѣ превкусный ужинъ, напоила чаемъ и

кофе, приготовила постель съ 3-мя перинами и пуховикомъ вмѣсто одѣяла, и на другой день я съ трудомъ уговорилъ взять отъ меня рубль сер. Ногайцевъ, кочевавшихъ по степи въ кибиткахъ, вздумалъ поселить въ селешяхъ герцога Ришелье, и кол. сов. Демезонъ привелъ мысль его въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ.

Татары—народъ честный, добродушный, послушный и весьма преданный Государю. Они съ восторгомъ ожидали его пріѣзда и отовсюду пригоняли лошадей и обвѣзжали ихъ для экипажей. Въ Ногайскѣ предположено было устроить гавань и сдѣлать его городомъ. Къ 16-му числу я возвратился въ Маріуполь и въ трактиръ Варваени вычерчивалъ маршрутъ. Трактирщикъ Грекъ подчивалъ меня все время настоящими Греческими кушаньями: пилавами, шашлыкомъ и проч.

20-го въ 9 часовъ вечера прибылъ изъ Таганрога Государь. Я тотчасъ представилъ Дибичу мою работу и довольно долго съ нимъ разговаривалъ о предстоящемъ путешествіи. Онъ поручилъ мнѣ сдѣлать маршруты черезъ г. Орѣховъ и дожидаться его на возвратномъ пути въ Большой Знаменкѣ. На другой день Государь выѣхалъ рано поутру; а я принялся съ Емельяновымъ за съемку и на слѣдующую ночь пріѣхалъ въ Орѣховъ и остановился въ корчмѣ у Еврея. Городничій Сербиновъ старался всячески угостить, досталъ мнѣ городской планъ, далъ нѣсколько старыхъ книгъ, и я прожилъ тутъ два дня. 25-го продолжалъ я мою съемку черезъ Яйчокрикъ, Рогачинъ, Васильевку до ст. Маячки. Здѣсь конецъ моей работѣ, и я расположился, чтобы перерисовать на-бѣло и, приведя все въ порядокъ, ѣхать на встрѣчу Государю на ночлегъ его въ Знаменку. Къ счастію моему, нашелъ я въ Маячкѣ помѣщичій домъ и старика помѣщика, Евдокима Павловича Гранибарскаго, который и отвелъ мнѣ хорошую комнату въ своемъ домѣ и старался угощать меня обѣдами. Онъ старикъ лѣтъ 80-ти; женатъ недавно на молодой женѣ и оттого въ неладахъ съ сыномъ, отставнымъ 13-го егерскаго полка подполковникомъ, который живетъ тутъ же, но не видится съ мачихою. Тутъ оставался я до 1-го Ноября, занимался своими маршрутами и въ свободныя минуты читалъ кое-какія книги и журналы, которые получалъ старикъ. Окончивъ мое дѣло, я въ тотъ же день къ вечеру пріѣхалъ въ Знаменку, гдѣ въ простой, но чистой избѣ готовился ночлегъ для Императора. Здѣсь бригадная квартира артилеріи, и я тотъ часъ же познакомился съ командиромъ, полковникомъ Гильденшмидтомъ и нѣкоторыми офицерами. Тутъ узналъ я про несчастную дуэль флиг.-адъют. Новосильцова съ Черновымъ и про убіеніе Настасьи Ѳедоровны, возлюбленной графа Аракчеева. 2-го числа къ обѣду пріѣхали передовые Вилямовъ и Пѣтуховъ, а въ 8 часовъ вечера и Государь съ Дибичемъ. Я сейчасъ же явился къ Ивану Ивано-

вичу, и тотъ, распросивъ меня о дорогѣ и пожавъ мнѣ руку въ знакъ благодарности за скорое и исправное исполненіе, сказалъ, что хотѣлъ было самъ лично представить меня Государю, но что Его Величество чувствуетъ маленькую простуду и располагалъ пораньше лечь въ постель. На другой день рано по утру Императоръ уѣхалъ; а я, давъ время отбыть всей свитѣ, позавтракалъ съ офицерами и пріѣхалъ ночевать въ Маячку къ Гранибарскому. Старикъ сказывалъ мнѣ, что онъ съ женою выходили на станцію, и что Государь почивалъ въ открытой коляскѣ. Мнѣ это показалось странно, зная, что Императоръ и самъ никогда не дремалъ дорогой и не любилъ, чтобы даже лакей его на козлахъ засыпалъ.

3-го числа утромъ пріѣхалъ я въ Васильевку, имѣніе полковника Попова, которымъ управлялъ зять его, Курилинъ. Я нашелъ всѣхъ въ суматохѣ: слѣдовавшій за Императоромъ фельдъ-егеръ, Маскинъ, закусивъ порядкомъ, потребовалъ себѣ тройку еще необѣзженныхъ лошадей, которыя тутъ же съ мѣста понесли и выкинули его такъ несчастно изъ телѣги, что онъ подмятъ былъ мертвымъ. Прибѣжалъ случившійся тутъ съ Вилье Тарасовъ и объявилъ, что помощи нѣтъ средствъ подать. Объ этомъ-то фельдъ-егеръ, по кончинѣ Государя, распустили слухи, будто онъ былъ посланъ къ Государынѣ съ письмомъ, въ которомъ Государь сказалъ: *Je t'envoie Maskine, et je le suis de près* ³⁾; тогда какъ Маскинъ ѣхалъ сзади и выѣхалъ изъ Васильевки черезъ два часа послѣ отъѣзда Императора. Зайдя къ Курилину, я нашелъ въ немъ милого, образованнаго человѣка и коротко знакомаго съ Щербининымъ, Муравьевымъ и другими моими товарищами. Подали завтракъ, Шампанскаго и, проболтавъ нѣсколько часовъ, я отправился къ Маріуполю: Проѣзжая Орѣховъ, слышалъ я отъ городничаго, что Государь, узнавъ о происшедшей ссорѣ между архіепископомъ и Екатеринославскимъ губернаторомъ, приказалъ первому выѣхать къ нему, долго говорилъ съ нимъ и сильно выговаривалъ за неприличное его сану поведеніе. Воображалъ ли тогда Императоръ, что черезъ двѣ недѣли этотъ же самый архіерей будетъ отпѣвать его?

Проѣхавъ Маріуполь, я въ 10 ч. веч. пріѣхалъ на ст. Воробьевскую и, не смотря на темноту ночи, полагалъ, что по ровной дорогѣ я благополучно доѣду 26 верстъ до станціи Горькой. Время было теплое и сухое; я ѣхалъ въ телѣгѣ безъ шинели; ямщикъ надежный; со мною человѣкъ ловкій Моисей Андреевъ, и первыя версты мы ѣхали какъ нельзя лучше. Но проходитъ два часа, и мы продолжаемъ ѣхать

³⁾ Посылаю къ тебѣ Маскина и отправляюсь вслѣдъ за нимъ.

не видя станцій; наконецъ, кучеръ признался, что онъ самъ не знаетъ куда везетъ. Моисей высккъ огонь, раздулъ горсть ковылю и, освѣтивъ мѣсто, увидѣли, что мы въ степи и ѣдемъ цѣликомъ. Пустились далѣе на произволъ судьбы, и черезъ полчаса лошади зафыркали, и мы услышали человѣческіе голоса. Это былъ обозъ Татаръ, везущихъ на верблюдахъ арбузы въ Орѣховъ. Они сказали намъ, что мы сбились верстъ за 10 отъ большой дороги и указали направленіе. Поѣхали далѣе, и черезъ часъ лошади опять шарахнулись и засапѣли; мы пріѣхали къ тому же Татарскому обозу. Отъѣхавъ опять, мы, наконецъ, увидѣли огонекъ и кое-какъ дотащились до какого-то скотнаго двора въ дер. Сидоркиной. Часы показывали два ч. пополудни, и до свѣта оставалось добрыхъ пять часовъ. Дѣлать было нечего, развели огонь, дали лошадямъ сѣна и до свѣта просидѣли въ сараѣ.

6-го числа въ полдень я пріѣхалъ, наконецъ, въ Тагапрогъ и нашелъ у себя капитана нашего, Павла Алексѣевича Тучкова¹⁾, котораго тотчасъ же уговорилъ переѣхать къ намъ и расположился съ нимъ у серебрянника Грека Θεодора Егоровича, въ ожиданіи Венцеля и Кожевникова. Сейчасъ же явился къ намъ баронъ Фридрихъ и рассказъ, что Государь такъ нехорошо себя чувствуетъ, что легъ въ постель сейчасъ по пріѣздѣ и отказалъ принимать лекарства.

9-го возвратились Кожевниковъ и Венцель, и наша компанія, состоящая изъ насъ четырехъ, бар. Фридрихса, Николаева и казацкаго ротмистра Сухорукова, проводила время довольно пріятно: читали, играли въ вистъ, болтали и только озабочены были болѣзнію Государя. Онъ схватилъ простуду около Бахчисарая, ѣхавъ верхомъ безъ шинели въ Георгіевскій монастырь, и о нездоровьѣ своемъ сказалъ Вильс только 3 числа въ Орѣховѣ. На дняхъ пріѣхалъ сюда Чернышевъ съ молодою женою. Онъ имѣлъ порученіе размѣриваніе земель на Дону, и при немъ состоялъ нашего корпуса г. м. Богдановичъ. 10 числа по утру сидѣлъ у насъ Николаевъ, пришелъ фельдъ-егеръ позвать его къ Государю, и черезъ полчаса, онъ, проходя мимо насъ, въ окошко простился, говоря, что ѣдетъ скоро. Онъ возвратился уже въ исходѣ Декабря и тогда рассказывалъ, что Государь съ постели отпраздновалъ его, даже по секрету отъ Дибича, въ Обоянѣ, схватить поручика Вадковскаго и отвезти его, кажется, въ Бѣлозерскъ; и самъ вручилъ ему подорожную и деньги.

До 15 числа болѣзнь Государя со дня на день усиливалась, и онъ, не слушая просьбы Императрицы и всѣхъ его окружавшихъ, не соглашался лечиться. 15 утромъ потребовалъ духовника, отца Θεодота,

¹⁾ Впослѣдствіи Московскаго генералъ-губернатора.

который, причастивъ его, тутъ же съ потиромъ въ рукахъ, упалъ на колѣни и умолялъ принять человѣческую помощь. Государя это тронуло, и онъ позволилъ поставить себѣ пѣявки. Въ церквахъ началось денно и ночью молебствіе; толпы народа ходили по церквамъ служить молебны. 16-го, въ 10 часу утра, сдѣлалось Государю такъ дурно, что думали пришелъ конецъ. Государыня упала въ обморокъ, и принуждены были ей пустить кровь; но какъ это было 13 день болѣзни, то полагали, что кризисъ болѣзни, и съ полночи сдѣлалось ему лучше. 17-го числа утромъ надежда утвердилась еще болѣе, показался потъ; но 18-го ч. она совершенно исчезла, и ежеминутно ждали кончины. Государыня не отходила отъ больного. 19 по утру побѣждалъ я во дворецъ, и камердинеры сказали, что Государь еще живъ, но уже при послѣднихъ минутахъ. Я пошелъ къ Вилямову, который съ канцеляріей жилъ на томъ же дворѣ. Въ 11 часовъ прибѣжалъ фельдъ-егерь съ горестнымъ извѣстіемъ, что Императоръ скончался въ 10 ч. 44 м. по полудни. Государыня сама закрыла ему глаза и завязала платкомъ голову. Удивительная крѣпость духа, при полной слабости здоровья! Въ 1 часу, по приказанію Дибича, я и Тучковъ во всей формѣ явились въ кабинетъ, гдѣ тѣло Государя лежало на желѣзной кровати, на которой онъ и скончался, одѣтое въ бѣлую рубашку. Отслужили панихиду, на которой присутствовала Государыня уже въ траурномъ платьѣ. Дибичъ рыдалъ, и вообще всѣ были въ слезахъ. Толпы народа окружали дворецъ.

20 числа, князь Волконскій, Дибичъ, Чернышевъ присутствовали при вскрытіи тѣла, которое дѣлали Вилье, Тарасовъ и другіе доктора. Все тѣло найдено здоровымъ, только въ головѣ нашли 5 унцій воды. Камердинеры Анисимовъ и Ѳедоровъ сказывали мнѣ, что Государь въ послѣдніе дни былъ необыкновенно тихъ, кротокъ и невзыскателенъ; только въ послѣднее утро, чувствуя, что уже отнялись ноги, велѣлъ себѣ ихъ тереть, и Тарасовъ, схвативши спирту, принялся за дѣло, но когда дотронулся выше, Государь почувствовалъ боль и съ досадою приподнявшись сказалъ: *дуракъ!*

Передъ концемъ онъ чувствовалъ страданія, при послѣднихъ минутахъ просилъ у Государыни прощенія и умеръ, держа ея руку въ своей. До отъѣзда въ Крымъ, работая утромъ въ кабинетъ, онъ вдругъ позвонилъ и велѣлъ вошедшему Анисимову подать свѣчей. И дѣйствительно, нашло темное облако, и вдругъ изъ яснаго дня сдѣлались на нѣсколько минутъ сумерки. Прояснило, а свѣча продолжала горѣть. Анисимовъ вошелъ опять въ кабинетъ и остановился, не говоря ни слова, но смотря на огонь. Государь обернулся и, увидя его, сказалъ: *Вѣрно у тебя пришло что-нибудь на мысль дурное, смотря на эти*

свѣчи? Погаси! Во время болѣзни онъ объ этомъ вспомнилъ и сказалъ Анисимову: *Помнишь засаженыя свѣчи?* Случилось, что онъ лежалъ мертвый на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояло его бюро. Во время пребыванія его въ Таганрогъ, а особливо во время болѣзни, собирались подъ его окнами собаки со всего города и выли; не могли отогнать, и приказано было бить. Крысы и мыши до того расплодились во дворцѣ, что перепортили множество бѣлья, съѣли все сукно на государевыхъ дрожкахъ и разъ утащили съ окошка кабинета государынинъ носовой платокъ, въ то время какъ она сидѣла при больномъ, и въ щелкѣ нашли только одинъ кончикъ. Почти во все время пребыванія въ Таганрогъ онъ почевалъ безпокойно, и по нѣскольку разъ ночью заставлялъ передвигать кровать и перекладывать подушки. Илья Байковъ разсказывалъ мнѣ, что передъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ возилъ Государя въ Невскій монастырь, гдѣ онъ долго молился у мончей и потомъ сидѣлъ у тамошняго схимонаха, откуда вышелъ съ заплаканными глазами. Выѣхавъ изъ Петербургской заставы, онъ всталъ въ коляскѣ задомъ къ кучеру и очень долго смотрѣлъ на Петербургъ, чего прежде никогда не дѣлывалъ.

Это могло быть темное предчувствіе; но свою кончину онъ едва ли тогда предвидѣлъ, а полагалъ навѣрное, что Государыня уже живую въ Петербургъ не возвратится, и это доказывается тѣмъ, что, разбирая оставшіяся послѣ него бумаги, Дибичъ нашелъ между ими церемоніаль погребенія покойной императрицы Екатерины II-й, взятый Государемъ по секрету передъ отъѣздомъ изъ церемонийстерскаго департамента, вѣроятно въ томъ предположеніи, что ежели Государыня скончается въ Таганрогъ, чтобы, соображаясь съ нимъ, начертать самому весь порядокъ похоронъ. Этотъ церемоніаль попался Дибичу очень кстати, потому что въ это смутное время ни онъ, ни Волконскій не знали, какъ приступить къ печальнымъ распоряженіямъ и требовали инструкціи изъ Петербурга. Найдя же его, они тотчасъ распорядились по прежнему примѣру, не дожидаясь отвѣта изъ Петербурга, гдѣ некогда и некому было заниматься подобнымъ дѣломъ. Это обстоятельство я узналъ отъ самого Дибича.

21-го числа, поутру въ 9 часовъ, по приказанію Дибича, отправился я, какъ старшій въ чинѣ изъ числа моихъ товарищей, для присутствія при бальзамированіи тѣла покойнаго Государя. Вошедъ въ кабинетъ, я нашелъ его уже раздѣтымъ на столѣ, и четыре гарнизонные фельдшера, вырѣзывая мясистыя части, набивали ихъ какими-то разваренными въ спиртѣ травами и забиштовывали широкими теслами. Добертъ и Рейнгольдъ, съ сигарами въ зубахъ, варили въ кострюлкѣ въ каминѣ эти травы. Они провели въ этомъ занятіи всю ночь, съ той

поры какъ Вилье вскрылъ тѣло и составилъ протоколъ. Черепъ на головѣ былъ уже приложенъ, а при мнѣ натягивали кожу съ волосами, чѣмъ немного измѣнилось выраженіе чертъ лица. Мозгъ, сердце и внутренности были вложены въ серебряный сосудъ, въ родѣ сахарной большой жестянки съ крышкою, и заперты замкомъ. Кромѣ вышесказанныхъ лицъ и караульнаго казацкаго офицера, никого не только въ комнатѣ, но и во всемъ дворцѣ не было видно. Государыня наканунѣ переѣхала на нѣсколько дней въ домъ Шихматова. Доктора жаловались, что почюю всѣ разбѣжались и что они не могутъ даже добиться чистыхъ простынь и полотенецъ. Это меня ужасно раздосадовало. Давно ли всѣ эти мерзавцы трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страхъ и благодаренія! Я тотчасъ же пошелъ къ Волконскому, который принялъ меня въ постелѣ, рассказалъ, въ какомъ положеніи находится тѣло Государя, и тотъ вскочивъ послалъ фельдъ-егеря за камердинерами. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа они явились и принесли бѣлье. Между тѣмъ фельдшера перевертывали тѣло какъ кусокъ дерева, и я съ трепетомъ и любопытствомъ имѣлъ время осмотрѣть его. Я не встрѣчалъ еще такъ хорошо сотвореннаго человѣка. Руки, ноги, всѣ части тѣла могли бы служить образомъ для ваятеля; нѣжность кожи необыкновенная; одно только мѣсто, которое неосторожно хватилъ Тарасовъ, было чернаго цвѣта.

По окончаніи бальзамированія, одѣли Государя въ парадный общій генеральскій мундиръ, съ звѣздою и орденами въ петлицѣ, на рукахъ перчатки и положили на желѣзную кровать, на которой онъ скончался, накрывъ все тѣло кисеею. Въ ногахъ поставили налой съ Евангеліемъ, которое поочередно читали священники, смѣняясь каждые два часа. Мы четверо и нѣсколько казацкихъ офицеровъ дежурили также по два часа стоя, потому что и стула не было въ комнатѣ, и это дежурство приходилось иногда по три раза въ сутки. На панихидахъ всегда былъ дежурнымъ одинъ изъ насъ четвертыхъ. Кромѣ того былъ всегда безотлучно одинъ изъ камердинеровъ и Рейнгольдъ или Добертъ, которые ежечасно смачивали лицо губкою напитанною спиртомъ. Жаръ въ комнатѣ доходилъ до 18° и болѣе; всѣ двери и окна были заперты, и кромѣ того горѣли три большія церковныя свѣчи. Острый запахъ спирта, насыщеннаго какимъ-то дунистымъ веществомъ, наводилъ дурноту, и мундиры до того имъ провоняли, что недѣли три сохраняли этотъ непріятный запахъ. Доктора признавались, что они не могли хорошо и настоящимъ образомъ произвести бальзамированія, по неимѣнію достаточнаго количества спирта, въ который должно бы было погрузить все тѣло на нѣсколько сутокъ; къ тому же, я думаю, что они были непривычны къ этому дѣлу.

На второй день, поднявъ кисею для примочки лица, я далъ замѣтить Доберту, что клочекъ галстука торчитъ изъ подъ воротника Государя. Онъ потянулъ и къ ужасу увидѣлъ, что это кожа. Лицо начало совершенно чернѣть. Теплота и уменьшеніе остроты спирта, стоявшаго въ открытой чашѣ и въ жаркой комнатѣ, вмѣсто сохраненія послужили только къ порчѣ тѣла. Сейчасъ побѣжалъ опъ къ Вилье, который явился удостовѣриться въ показаніи. Рѣшили заморозить тѣло и тѣмъ только сохранить его. Отворили всѣ окна, поддвинули подъ кровать корыто со льдомъ и повѣсили у постели термометръ, чтобы стужа всегда была не менѣе 10°. Въ это время холодъ и вѣтры начинали дѣлаться весьма сильные, и каково же было намъ дежурить въ одномъ мундирѣ! Только во время утренней и вечерней панихиды запирали окна, потому что присутствовала Государыня.

Кромѣ дежурства я избранъ былъ Дибичемъ для описи бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ Государя, и каждый вечеръ и утро по нѣскольکو часовъ писалъ подъ его диктовку. Мнѣ памятно утро 7-го Декабря. Едва Дибичъ продиктовалъ мнѣ содержаніе нѣкоторыхъ бумагъ, какъ, развернувъ одну, онъ вдругъ измѣнился въ лицѣ и поспѣшно вставъ сказалъ: «Любезный Шенигъ, мнѣ сегодня некогда продолжать работу; я приплю за вами». Съ этими словами онъ вскочилъ, заперъ кабинетъ и побѣжалъ къ Волконскому. Въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ Таганрога Чернышевъ и былъ отправленъ въ Петербургъ баронъ Фридрихсъ. Я въ слѣдующемъ году, находясь съ Дибичемъ въ Москвѣ, разъ спросилъ его объ этомъ, и онъ тогда открылъ мнѣ, что это былъ доносъ Шервуда или Майборода (не помню) о южномъ возмущеніи. Эту бумагу получилъ Государь въ первые дни болѣзни и тогда же отправилъ Николаева въ Обоянь за Вадковскимъ; но ни Волконскому, ни Дибичу не говорилъ ни слова. Напедъ ее, рѣшили послать Чернышева для усмиренія въ Васильковъ, а Фридрихса къ царствующему Императору съ донесеніемъ.

23 числа поставили тронъ, обили всю залу чернымъ сукномъ, надѣли на Государя порфиру и положили въ гробъ, надѣвъ на голову золотую корону. Первый гробъ былъ свинцовый, который былъ сдѣланъ изъ купленной Бабкинымъ еще до кончины Государя свинцовой крыши, а этотъ уже былъ поставленъ въ деревянный, обитый золотою парчею съ орлами. Окна насквозь были отворены, и мы уже дежурили въ шляпахъ и съ обнаженными шпагами. Подѣхало съ Дону нѣсколько казаковъ всѣхъ чиновъ, и тутъ уже дежурили 1 генераль, 1 штабъ-офицеръ и по 2 оберъ-офицера; во время панихиды всегда однакожь двое изъ насъ. По окончаніи каждой панихиды, входилъ Волконскій, вводилъ вонъ изъ залы всѣхъ часовыхъ и наконецъ уходилъ и самъ;

оставались священникъ, читающій Евангеліе и насъ двое, которымъ велѣно было стоять у ступеней гроба смиренно и не поднимать глазъ. Не смотря на то, мы очень хорошо могли видѣть, что всякій разъ выходила изъ своихъ комнатъ Императрица, совершенно одна, никѣмъ не поддерживаемая, всходила на ступени трона и начинала цѣловать тѣло и молиться. Это всегда продолжалось минутъ 10-ть. Коль скоро она удалялась, Волконскій вводилъ опять часовыхъ, входили дежурные, и мы начинали ходить вольно. Панихиды со дня кончины отправлялъ Греческій архимандритъ съ шестью священниками и, не зная порусски, дѣлалъ возгласы по гречески. Къ 1-му Декабря пріѣхалъ Екатеринославскій архіепископъ и тогда началъ первенствовать на службѣ.

До 10 числа Декабря мы оставались въ недоумѣніи насчетъ царствующаго Государя, указа о присягѣ не получали и жили въ какомъ-то междуцарствіи. Въ церквахъ поминали на эктеніяхъ Государя Александра Павловича и вслѣдъ за тѣмъ служили ему панихиды. Въ концѣ Ноября прискакалъ и графъ Воронцовъ. Во дворцѣ происходило что-то странное: пріѣзжали частые курьеры, являлись адъютанты разныхъ корпусныхъ командировъ и тотчасъ же были отправляемы обратно. Наконецъ, 10 числа утромъ, позвали насъ въ соборъ, гдѣ собрались Волконскій, Воронцовъ, Дибичъ, гр. Ламбертъ, всѣ казачіе генералы, офицеры и всѣ городскіе жители. Принесли присягу Константину Павловичу и подписались; но 24-го снова получили повѣстку для собранія въ соборѣ. Когда всѣ съѣхались, Воронцовъ взошелъ на ступеньки и прочелъ манифестъ и отреченіе Константина, и мы вновь присягнули Николаю Павловичу. По городу начали ходить слухи о какихъ-то возмущеніяхъ, но навѣрно ничего не знали.

11 числа назначено было перенесеніе тѣла Государя изъ дворца въ Греческій монастырь, гдѣ устроенъ былъ катафалкъ. Въ 9 часовъ утра я съ товарищами разставили войска по улицамъ шпалерами; ихъ было на лицо 400 человекъ гарнизона, 3 эскадрона лейбъ-казакъ и 3 сотни атаманскаго полка. Ими командовалъ безногій артилеріи генералъ-маіоръ Арнольди. Всѣхъ генераловъ и насъ нарядили сверхъ мундировъ въ широкія черныя мантии и круглыя широкополыя шляпы. Генералы несли ордена, имѣя каждый двухъ ассистентовъ. Я и Венцель были при Сысоевѣ, несшемъ подушку съ Владимірскимъ орденомъ. Колесницу везли въ 8-мъ лошадей. При церкви устроили гаубвахту и назначили дежурныхъ генераловъ, штабъ-офицеровъ, а насъ избавили, потому что Дибичъ всѣмъ задалъ работы окончить докладъ для представленія Государю, за которымъ мы просиживали цѣлыя ночи.

Въ день кончины Императора, Государыня написала письмо къ Маріи Ѳеодоровнѣ:

Maman! Notre ange est au ciel, et moi je reste encore sur la terre. Qui aurait pensé que moi, faible, malade, je pourrais jamais le survivre! Maman, ne m'abandonnez pas. Je suis absolument seule dans ce monde de douleur. Notre cher défunt a repris son air de bienveillance: son sourire me prouve qu'il est heureux et qu'il voit des choses plus belles qu'ici bas. Ma seule consolation dans cette perte irréparable est que je ne le survivrai pas. J'ai l'espérance de m'unir bientôt à lui ⁵⁾).

По перенесеніи тѣла въ соборъ, въ одно утро, хозяинъ мой, серебрянникъ Грекъ, пришелъ ко мнѣ и съ таинственнымъ видомъ разсказалъ, что эту ночь было странное происшествіе. Послѣ полуночи коляска, запряженная шестеркою почтовыхъ, остановилась въ предмѣстіи у дома одного его пріятеля. Соскочилъ съ козелъ военный лакей и началъ стучать въ ворота. Вышелъ Русскій работникъ, котораго челоуѣкъ посадилъ за коляску и велѣлъ указать дорогу къ Греческому монастырю. Пріѣхавъ къ церкви, сидящій въ коляскѣ военный мужчина въ шубѣ, окутанный въ голубую шаль, велѣлъ вызвать дежурнаго генерала, который, поговоривъ съ нимъ, ввелъ его въ церковь. Незнакомецъ остался тамъ около часу, вышелъ, сѣлъ въ коляску и выѣхалъ обратно изъ города, давъ работнику 25 рублей. Не былъ ли это великій князь Константинъ?

По кончинѣ Государя набралось въ городъ много казацкихъ дамъ, которыя присутствовали на панихидахъ; изъ числа Русскихъ пріѣхали жена генералъ-адъютанта графиня Ламбертъ и тайная совѣтница баронесса Кампенсаузенъ съ двумя племянницами Капустянскими. У нея жила гувернанткой молодая Француженка изъ Петербурга. Не поладивъ съ баронессой, она давно уже просилась отойти; но та не отдавала ей паспорта подъ предлогомъ, что она обязалась прожить у нея три года. Француженка воспользовалась пріѣздомъ въ Таганрогъ и явилась съ просьбою къ Воронцову. Графъ послалъ къ баронессѣ сначала своего адъютанта уговорить ее не держать противъ воли иностранку, но, получивъ невѣжливый отказъ, поручилъ полицмейстеру объявить ей, что ежели Француженка не будетъ отпущена, то онъ долженъ будетъ поступить по законамъ. Г-жа Кампенсаузенъ, будучи тайною совѣтницею и кавалерственной дамой, вообразила, что это вздорныя угрозы,

⁵⁾ Матушка! Нашъ ангелъ на небѣ, а я остаюсь еще на землѣ. Кто бы могъ подумать, чтобы я слабая, больная, могла пережить его! Матушка, не покидайте меня. Я совершенно одинока въ этомъ мірѣ скорби. На лицѣ нашего дорогаго покойника прежнѣе благоволеніе: онъ какъ будто улыбается, и поэтому я считаю, что онъ счастливъ и что ему видятся предметы болѣе прекрасные, нежели здѣсь на землѣ. Въ этой невозвратимой потерѣ утѣшаюсь единственно тѣмъ, что его не переживу: я надѣюсь скоро съ нимъ соединиться.

рѣшительно отказала, и тогда графъ объявилъ ей домашній арестъ, посадивъ къ ней въ залу полицейскаго офицера и поставивъ у воротъ на улицѣ двухъ буточниковъ. Баронесса, увидѣвъ, что дѣло идетъ не на шутку, послала въ свою деревню, за 200 верстъ, за бумагами, между которыми находился паспортъ, и только черезъ три дня ихъ получила. Тогда отпустила она Француженку, грозя жалобою на графа, и часовые были сняты.

Дибичъ уѣхалъ изъ Таганрога 23-го, отблагодаривъ насъ за всѣ труды и хлопоты и обѣщая просить о нашемъ награжденіи новаго Государя. Баронъ Фридрихсъ, возвратившійся 20 числа, сказывалъ, что въ Петербургѣ все спокойно и что 10 человекъ флигель-адъютантовъ ѣдутъ въ слѣдъ за нимъ въ Таганрогъ. Въ столицѣ ходитъ по рукамъ письмо Бабкина, въ которомъ онъ обвиняетъ Виле; но мы всѣ были почти свидѣтели, что Государь рѣшительно отвергъ медицинскую помощь и допустилъ развитіе болѣзни ⁶⁾. Въ слѣдъ за Фридрихсомъ пріѣхали флигель-адъютантъ Шкуринъ и Плаутинъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ и командиръ гвардейской кавалерійской дивизіи), а еще прежде ихъ адъютантъ Волконскаго Евгеній Андреевичъ Редъ (убитый въ 1828 году флигель-адъютантомъ подъ Шумлою). Дибичъ передъ отъѣздомъ отпустилъ въ Москву Кожевникова и Тучкова, а меня назначилъ состоять при шествіи тѣла, для устройства военныхъ встрѣчъ и парадовъ; Венцель долженъ былъ ѣхать впередъ и готовить войска. Я съ генераломъ Богдановичемъ составили маршрутъ на Бахмутъ, Харьковъ, Бѣлгородъ, Курскъ, Орелъ, Тулу до Москвы и далѣе большимъ трактомъ до Петербурга. Ко всѣмъ командирамъ войскъ послали предписанія, гдѣ приготовить караулы и гдѣ эскадроны. 25 получено извѣстіе о Петербургскомъ бунтѣ, и въ тотъ же день пріѣхалъ графъ Вас. Вас. Орловъ-Денисовъ, котораго Государыня назначила для начальствованія надъ печальнымъ кортежемъ. Онъ командовалъ тогда 6-мъ кавалерійскимъ корпусомъ въ Воронежѣ. Изъ флигель-адъютантовъ пріѣхали еще Сергѣй Александровичъ Кокошкинъ (нынѣ генералъ-адъютантъ и оберъ-полицмейстеръ), Александръ Ив. Германъ (умершій въ 1829 году въ Турціи), князь Николай Андреевичъ Долгорукій (нынѣ Малоросійскій генералъ-губ.), князь Василій Голицынъ (женатый на гр. Строгоновой, и умершій нынѣ), графъ Николай Александровичъ Самойловъ (мужъ

⁶⁾ Въ памятныхъ запискахъ доктора Виле сказано: „14 Ноября 1825, мнѣ хотѣлось дать *acide muriatique* въ питьѣ, но по обыкновенію отказано: „Ступайте прочь!“ Я заплакалъ. Замѣтивъ мои слезы, Государь сказалъ: „Подойдите, любезный другъ; надѣюсь, что вы на меня за это не сердитесь. У меня свои причины такъ дѣйствовать“ (т.-е. не принимать лекарствъ). См. книгу Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ“, стр. 160. Виле производилъ вскрытіе тѣла и Павла Петровича и Александра Павловича. П. Б.

графини Паленъ, нынѣ умершій въ отставку), графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ, нынѣ попечитель Московскаго Университета ⁷⁾, братъ его графъ Александръ (бывшій потомъ мин. внутр. дѣлъ) и князь Андр. Бор. Голицынъ, прозванный Масarelly. Имъ всѣмъ, а равно и генераль-адъютантамъ покойнаго Государя, дозволено носить на эполетахъ прежніе вензеля. За отсутствіемъ Дибича, князь Волконскій распоряжался вступленіемъ печальнаго шествія, и его составляли:

1 а) Гр. Орловъ-Денисовъ, при немъ сынъ его гр. Ѳеодоръ и адъютанты Ельпидифоръ Антиоховичъ Зуровъ, армейскаго егер. полка шт. капитанъ (послѣ губернаторъ въ Тулѣ и Новгородѣ и сенаторъ, женатый на вдовѣ графинѣ Стройновской), Норовъ, казацкій ротмистръ Красновъ и лекаръ Васильевъ.

1 б) Генераль-маіоръ князь Никита Григорьевичъ Волконскій, для несенія короны во время процессіи.

2) Десять флигель-адъютантовъ, изъ которыхъ Кокоскинъ въ должности начальника штаба, при немъ писарь Кашкаровъ (нынѣ чиновникъ въ 1-мъ отдѣленіемъ собств. канцеляріи Императора).

3) Оберъ-вагенмейстеръ Соломка, при немъ 8 лейбъ-казаковъ и 3 улана, для снятія гроба.

4) Докторъ Тарасовъ.

5) Камеръ-гофъ-турьеръ Бабкинъ, камеръ-лакей Архіереевъ, лакей Завитаевъ, и четыре магазейнъ-вахтера.

6) Камердинеры Анисимовъ и Ѳеодоровъ, помощники Брунстъ и Метальниковъ и истопникъ Жихаревъ.

7) Духовникъ протоірей Ѳеодотъ и пѣвчій Берлинскій.

8) Фельдъ-егерь капитанъ Марковичъ, платящій прогоны и Щедринъ, заготовляющій квартиры.

9) Метръ д'отель Миллеръ, съ двумя помощниками.

10) Лейбъ-кучеръ Илья Байковъ съ двумя помощниками.

11) Я, въ должности оберъ-квартирмейстера.

Порядокъ шествія во всю дорогу былъ слѣдующій:

а) Исправникъ или засѣдатель уѣзда въ саняхъ, и за нимъ 6 сотскихъ верхами въ черныхъ кафтанахъ.

б) 2 эскадрона кавалеріи, при бригадномъ генералѣ, ѣхавшемъ всю дорогу верхомъ.

с) Коляска съ духовникомъ, держащимъ икону и камердинеромъ съ серебрянымъ ковчегомъ.

д) Колесница въ 8 лошадей подъ траурными попонами, ведомыхъ уланами. Кучеромъ былъ постоянно Байковъ. На крыльяхъ стояли по

⁷⁾ Слѣд. эти воспоминанія писаны не позже 1848 г.

каждую сторону по одному дежурному флигель-адъютанту. Подлѣ колесницы верховые ординарцы и бригадные командиры верхомъ.

е) Коляска графа Орлова-Денисова.

г) Коляска полковника Соломки.

г) Эскадронъ кавалеріи.

Въ каждой епархіи на границѣ встрѣчалъ архіерей съ духовенствомъ всего уѣзда и смѣнялъ духовенство предшествовавшей губерніи, съ отпѣніемъ панихиды. При пріѣздѣ тѣла на станцію, гробъ вносили въ церковь, и архіерей служилъ панихиду; на другой день была утрепя и архіерейская обѣдня. Духовенство съ архіереемъ ѣхали впередъ до первой стоящей на дорогѣ церкви, гдѣ, не снимая гроба съ колесницы, служили литію; на станціи архіерей встрѣчалъ шествіе, и вносили гробъ въ церковь тѣмъ же порядкомъ. При гробѣ на ночь оставались два флигель-адъютанта и дежурные офицеры караула. На границѣ каждой губерніи останавливались въ полѣ, и губернаторъ съ адъютантствомъ одной губерніи передавалъ церемоніаль губернатору другой, который и провожалъ его черезъ свою.

Въ городахъ войска выстраивались шпалерами, и гдѣ была артиллерія, во время слѣдованія процессіи производилась пальба. Дворянство, купечество, мѣщанство и цехи съ значками шли попарно; въ колесницѣ народъ обыкновенно отпрягалъ лошадей и везъ на себѣ.

До 10 часовъ позволялось всѣмъ прикладываться и служить панихиды, а послѣ церковь запиралась и оставались при тѣлѣ дежурные и священники. Золотую корону носилъ обыкновенно во время процессіи князь Никита Волконскій, съ двумя асистентами изъ дворянъ; ордену несли дворяне, также при ассистентахъ, всѣ въ траурныхъ мантияхъ и шляпахъ. Переѣзды были обыкновенно не болѣе 50 верстъ. На половинѣ дороги дворянство губерніи дѣлало завтракъ на свой счетъ для всей свиты, а на почлегахъ обѣдъ былъ придворный; готовилъ самъ Миллеръ.

29-го Декабря, по отпѣтіи литургіи, шествіе съ церемоніей черезъ городъ выступило въ Покровское и пришло поздно вечеромъ, сдѣлавъ только 21 версту. Былъ небольшой морозъ, и тѣло везли на колесахъ. Снѣгу совершенно не было.

30-го переѣздъ до Крѣпкой, имѣнія графа Платова въ 45 верстъ, и шествіе пришло очень поздно. Сдѣлалась выюга и довольно сильный морозъ, Орловъ и флигель-адъютанты очень перезябли. 31-го почевали въ Дьяковѣ у Исаева, гдѣ до прихода тѣла загорѣлась кухня, и я съ графомъ Самойловымъ едва спасли очагъ. Миллеръ кричалъ: *Sauvez-moi le poêle pour ne pas rester sans dîner* ^{а)}). Здѣсь получилъ графъ

^{а)} Спасите мнѣ печку, чтобы не остаться безъ обѣда.

Строгоновъ манифестъ о 14-мъ Декабрѣ, которымъ занялись мы цѣлый вечеръ. Я долженъ благодарить Бога, что въ это время случился здѣсь. Многіе изъ пріятелей моихъ имѣли глупость попасть въ это дѣло и вѣроятно приглашали бы меня: хотя бы я навѣрно къ нимъ не присоединился, но, не захотя быть доносчикомъ, подобно многимъ другимъ попалъ бы въ разрядъ виновныхъ.

1 Января поѣхалъ я съ Кокошкинымъ и Германомъ въ саняхъ и, сдѣлавъ 59 в., остановились ночевать въ Андреянопольской дачѣ, имѣніи баронессы Кампенгаузена, у которой и домъ и церковь очень хороши.

3 числа пріѣхали въ Бахмутъ, гдѣ, перестановивъ гробъ на полозья, осматривали тѣло и нашли все въ совершенномъ порядкѣ, а 5-го пришли въ г. Изюмъ. Здѣсь нашли Лар. Вас. Васильчикова, котораго Государь, не зная о назначеніи Государыней графа Орлова, послалъ для предводительства шествіемъ. Васильчиковъ, узнавъ о волѣ Императрицы, ускакалъ въ Таганрогъ, и Орловъ остался на своемъ мѣстѣ. 7 прибыли въ Чугуевъ, гдѣ узнали о бунтѣ Черниговскаго полка и 9 ввезли тѣло въ Харьковъ. Губернаторъ Муратовъ сдѣлалъ было въ соборѣ катафалкъ, но пріѣхалъ молодой графъ Орловъ и увѣрилъ его, что это не нужно; тотъ велѣлъ снять его, и гробъ должны были поставить на полъ. Въ Харьковѣ былъ я у товарища нашего Мартынова, женатаго на губернаторской дочери, и провелъ у нихъ пріятно вечеръ. Губернск. предводитель, бывшій потомъ во Псковѣ губернаторомъ, Квитка былъ въ ссорѣ съ Перовскимъ о старшинствѣ дворянъ и профессоровъ во время процессіи. Положили идти рядомъ, оба начальника и за ними оба сословія попарно. Здѣсь я нашелъ также стараго моего товарища и пріятеля Мих. Андр. Щербинина, женатаго на Кавериной (онъ теперь умеръ).

Морозы усилились, и по причинѣ холода мы должны были простоять въ Харьковѣ до 11-го числа. Пріѣхавъ на ночлегъ въ Черемушную, нашелъ я у себя на квартирѣ адъютанта военнаго министра, Егоръ Аванасьевича Гоноропуло. Сейчасъ разнеслась о семъ вѣсть, и графъ Орловъ прислалъ за мною, чтобы узнать, за кѣмъ онъ былъ присланъ. Многіе полагали, что за графомъ Самойловымъ; но онъ молчалъ о причинѣ своего пріѣзда и, проводивъ шествіе до Бѣлгорода, отправился неизвѣстно куда.

12-го въ Бѣлгородѣ являлся я съ капитаномъ Занденомъ къ корпусному командиру Дукѣ, женатому на богатой вдовѣ Ильинской, которой дочь отъ перваго мужа вышла за графа Клейнмихеля. Губернаторъ Курской Кожуховъ былъ человѣкъ бойкій, и какъ встрѣча, такъ и пріемъ всѣмъ намъ сдѣланъ былъ отличный; жена его, прекрасная

собою, была отличаема покойнымъ Императоромъ. Здѣсь живетъ фельд-маршальша графиня Чернышева, вдова Захара Григорьевича, и пользуется маіоратомъ въ $\frac{10}{4}$ душъ. Покойный мужъ ея, сдѣлавъ завѣщаніе, сказалъ, что этотъ маіоратъ по смерти ея долженъ поступить къ старшему въ родѣ графовъ Чернышевыхъ, ежели только онъ не будетъ государственнымъ преступникомъ. Предчувствіе его сбылось: единственный наслѣдникъ графъ Захаръ Григорьевичъ по 14 Декабря былъ разжалованъ изъ офицеровъ кавалергардскихъ и сосланъ въ Сибирь. (Теперь прощенъ, но лишень титула и живетъ съ женою своею, урожденною Тепловой, въ Орловской губерніи, въ с. Тагинѣ, которое дали ему его сестры). По смерти старухи, маіоратство перешло къ старшей сестрѣ сосланнаго, въ замужествѣ за Кругликовымъ, который къ своей фамиліи присоединилъ и графа Чернышева. Александръ Ивановъ Чернышевъ (нынѣ князь и военный министръ), получивъ во время коронаціи титулъ графа, вообразилъ, что этимъ Государь даетъ ему чувствовать, что онъ можетъ домогаться маіоратства. Полагаю, что князь Алексѣй Борисовъ. Куракинъ его въ томъ удостовѣрилъ, и онъ рѣшился подать просьбу объ утвержденіи за нимъ наслѣдства, потому что онъ теперь единственный графъ Чернышевъ. Государь передалъ просьбу его въ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ князя Кочубея, и она отвергнута, на томъ основаніи, что между нимъ и старинными Чернышевыми нѣтъ никакого родства. Это уронило его во мнѣніи общественномъ и подвергло многимъ непріятностямъ въ обществѣ, между прочимъ остротамъ князя Меншикова. Чернышевъ, увидя его во дворцѣ въ бархатномъ сапогѣ, съ удивленіемъ спросилъ о причинѣ, тотъ отвѣчалъ, что это подагра, наслѣдство отъ отца. *Voilà un majorat que je possède avec beaucoup de plaisir* *). У старой графини управлялъ всѣми дѣлами графъ Булгари, а она не только никуда не выѣзжала, но и къ себѣ не принимала. Его передъ нашимъ пріѣздомъ схватили и увезли въ Петербургъ.

Въ церкви, въ которой стоялъ гробъ, находится въ склепѣ тѣло Бѣлгородскаго епископа Іоасафа. Я, Германъ и Кокошкинъ ходили смотрѣть. Оно удивительно хорошо сохранилось, такъ что находили сходство съ его портретомъ, повѣшеннымъ въ церкви. Увѣряютъ, что многіе получали исцѣленіе, и ему служатъ панихиды. Въ 1824 году, во время пріѣзда своего, Государь Александръ сходилъ въ склепъ и служилъ панихиду, но на представленіе архіерея причислить преосвященнаго Іоасафа къ лику святыхъ не изъявилъ согласія. Надобно,

*) Вотъ маіоратъ, которымъ я владѣю съ большимъ удовольствіемъ.

чтобы ровно черезъ годъ Императоръ скончался 19 Ноября, въ день *преподобнаго Иосафа црсвича Индійскаго*, въ который празднуютъ въ Бѣлгородѣ и тезоименитство покойнаго епископа.

Изъ Бѣлгорода въ Обоянь уѣхалъ я съ княземъ Васильемъ Голицынымъ и тамъ, въ ожиданіи прибытія тѣла, хлопоталъ о парадѣ съ корпуснымъ командиромъ Бороздинымъ и бригаднымъ Лесовскимъ, а 15-го числа съ Кокоскинымъ пріѣхалъ въ Курскъ. Къ намъ тотчасъ же явился Кожуховъ. Кокоскинъ разсказалъ ему, что въ Харьковѣ народъ такъ толпился по улицѣ, что мѣшалъ церемоніи, и что не худо бы было около тротуаровъ натянуть веревки. Кожуховъ находилъ, что въ подобной церемоніи ему неприлично кажется удерживать веревками порывъ народныхъ чувствъ, но тутъ же позвалъ полицеймейстера и сказалъ, что ежели завтра онъ во время шествія замѣтитъ хоть одного челоука сошедшаго съ тротуара, то онъ его посадить на гаубвахту. Вслѣдствіе сего порядокъ былъ удивительный.

Тѣло Государя стояло въ монастырской церкви, гдѣ настоятелемъ о. Палладій (артиллерійскій капитанъ изъ роду Бѣлявцовыхъ; онъ былъ потомъ намѣстникомъ Александро-Невской Лавры).

Катафалкъ прекрасный, и по совѣту губернаторши, бывшей въ большой милости у покойнаго Государя, были слова изъ письма Императрицы: *Намъ ангелъ на небесахъ!* Кожуховъ давалъ обѣдъ, и весь пріемъ свиты былъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Для каждаго былъ готовъ экипажъ, и по случаю наступленія зимняго пути были выставлены на продажу дорожныя сани по самымъ низкимъ цѣнамъ. Въ Орелъ пришли благополучно и вездѣ съ одинаковыми встрѣчами и угощеніями, но во Мценскѣ нашли Тульскаго губернатора Тухачевского, который выѣхалъ съ извѣстіемъ, что Тульскіе фабричныя, сомнѣваясь, чтобы это было тѣло Государя, намѣреваются вскрыть гробъ. Графъ Орловъ объявилъ, чтобы у всей свиты были отпущенныя сабли; но вышелъ вздоръ.

28-го Генваря взошли въ Тулу, прошли весь городъ съ процессіей, и ни одинъ челоукъ не покусился на какой-либо поступокъ. Такіе же слухи носились и подходя къ Москвѣ, куда привезли тѣло 5-го Февраля. Церемонія началась изъ Коломенскаго, куда привезли тѣло наканунѣ. Для предосторожности войска имѣли боевыя патроны и, поставивъ тѣло въ Архангельскомъ соборѣ, въ 9 ч. вечера запирали ворота въ Кремль и у каждаго входа стояли орудія заряженныя. Пѣхота стояла въ Кремлѣ, а кавалерійская бригада въ экзерциргаузѣ съ осѣдланными лошадьми. Ни малѣйшаго шума и безпорядка не было. По тракту до Новгорода шло обыкновеннымъ порядкомъ; но при въѣздѣ въ этотъ городъ, команду надъ процессіей принялъ на себя графъ

Аракчеевъ, по высочайшему повелѣнію.—23-го Февраля утромъ у заставы встрѣтилъ тѣло графъ Аракчеевъ верхомъ со всѣмъ своимъ штабомъ. Кортѣжъ былъ растянута на большое пространство, и чтобы передовые тронулись, были даваемы знаки ракетой. У каждой церкви по улицамъ служили литіи; тутъ также для остановки передовыхъ и для продолженія хода пускали сигнальныя ракеты. Катафалкъ въ Софійскомъ соборѣ былъ отлично устроенъ Стасовымъ. Графъ за нѣсколько дней впередъ самъ дѣлалъ репетиціи монахамъ, чиновникамъ и солдатамъ, какъ подходить къ гробу и прикладываться. При выступленіи изъ города, Аракчеевъ хотѣлъ стать на колесницу; но флигель-адъютанты сначала его не допустили, а когда онъ испросилъ на то позволеніе гр. Орлова-Денисова, то они все таки настояли, чтобы удерживать правую сторону, и всегда два дежурные стояли во время дороги на правой сторонѣ, а Аракчеевъ одинъ на лѣвой.

Передъ Ижорой, въ с. Бабинѣ, а прежде того въ Клину, вскрывали гробъ и осматривали тѣло, которое найдено въ порядкѣ.

Императрица Марія Ѳеодоровна выѣзжала на встрѣчу въ Тосну.

28-го Февраля шествіе прибыло въ Царское Село. Государь, великій князь Михаилъ, принцъ Прусскій и принцъ Оранскій выѣхали на встрѣчу за 5 верстъ. Государь бросился на гробъ и долго обнималъ его, потомъ пѣшкомъ провожалъ до дворца. Флигель-адъютанты окружали гробъ, а за Государемъ и принцами шли: гр. Аракчеевъ, генераль-майоръ князь Никита Волконскій и я.

Тѣло до 6-го Марта простояло въ дворцовой церкви, тутъ перевезено было въ Чесму; а на другой день въ Казанскій соборъ, откуда черезъ 4 дня въ Петропавловскую крѣпость.

Траурными маршами были въ Москвѣ князь Николай Бор. Юсуповъ, а въ Петербургѣ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

II.

Еще нѣсколько свѣдѣній о болѣзни и кончинѣ Александра Павловича.

11-го Октября Императоръ сдѣлалъ краткую поѣздку въ Ростовъ, Нахичевань, Новочеркасскъ и Азовъ; а прибывшій вскорѣ потомъ графъ Воронцовъ уговорилъ его съѣздить въ Крымъ, куда онъ и отправился съ нимъ и съ графомъ Дибичемъ 19-го Октября. 23-го изъ Симферополя отправился онъ верхомъ въ Юрзуфъ и проѣхалъ 35 верстъ; на другой день посѣтилъ Алупку, на пути осматривалъ Никитскій садъ и много гулялъ пѣшкомъ; въ тотъ же день былъ на купленной имъ у

графа Кушелева-Безбородки мызѣ Оріандѣ, гдѣ всѣ уцѣлья горѣ были иллюминированы. Пили за его здоровье, и онѣ болѣе получаса стоялъ безѣ фуражки. На слѣдующій день Государь проѣхалъ болѣе 40 верстъ верхомъ. На дорогѣ въ деревню Мордвиново, 27-го Октября проѣхалъ онѣ черезъ горы, на вершинѣ которыхъ дулъ холодный вѣтеръ, а при подоніѣ былъ сильный жаръ, чтѣ заставляло Его Величество часто открывать и покрывать голову. Этотъ внезапный переходъ отъ холода къ жару предрасположилъ его уже къ болѣзни. На пути въ Севастополь онѣ почувствовалъ изнеможеніе. Считая его слѣдствіемъ горной дороги, Государь не обратилъ на то никакого вниманія и со станціи, въ 2-хъ верстахъ отъ Балаклавы, поѣхалъ верхомъ на смотрѣ Греческаго баталіона. Изъ Балаклавы опять верхомъ съ однимъ фельдъ-егеремъ и двумя Татарами отправился онѣ въ Георгіевскій монастырь. Это было въ сумерки, и Императоръ былъ въ легкой одеждѣ, отказавъ надѣтъ шинель. Возвратясь онѣ почувствовалъ ознобъ и, сѣвъ въ коляску, поѣхалъ въ Севастополь. Тутъ, не обращая вниманія на свое положеніе, въ одномъ мундирѣ осматривалъ онѣ корабли, военный госпиталь, казармы, Александровскую батарею и разныя укрѣпленія. 29-го онѣ пріѣхалъ въ Бахчисарай, гдѣ почувствовалъ еще болѣшую слабость; но, не смотря на то, 30-го посѣтилъ Чуфуть-Кале и синагогу; на возвратномъ пути былъ въ Греческомъ монастырѣ и, почувствовавъ усиленіе болѣзни, сказалъ о томъ Вилье; но, присовокупилъ онѣ, *ты и лекарства твои мнѣ не нужны; я умѣю самъ себя лечить*. Докторъ возражалъ, что одинъ пріемъ ревеню принесъ бы Его Величеству болѣшую пользу.—*«Оставь меня въ покоѣ»*, отвѣчалъ Государь. *«Я уже сказалъ тебѣ, что не хочу лекарствъ»*.

Въ Козловѣ и въ Перекопѣ Его Величество осматривалъ церкви, мечети, синагоги, казармы и карантинны. Въ Перекопѣ, во время осмотра госпиталя, лихорадочный припадокъ возобновился сильно, такъ что за обѣдомъ, между Знаменской и Орѣховымъ, онѣ самъ спросилъ у Вилье лекарства противъ лихорадки и принялъ его безпрекословно. Въ Мариуполѣ болѣзнь усилилась, а на послѣдней станціи къ Таганрогу Государя везли уже шагомъ.

Онѣ прибылъ въ Таганрогъ 5-го Ноября, въ 7-мъ часовъ вечера, и прямо легъ въ постель. Жители бросились въ храмъ и въ продолженіе всей болѣзни служили молебны. Даже одинъ изъ кочевавшихъ Калмыцкихъ князей пріѣхалъ въ городъ и отслужилъ на паперти молебенъ о выздоровленіи больного и роздалъ бѣднымъ денегъ.

О рѣшительныхъ лекарствахъ Государь не хотѣлъ и слышать, и потому Императрица рѣшилась предложить ему объ исполненіи послѣдняго долга. *Развѣ я такъ боленъ?* спросилъ Государь. *«Нѣтъ, другъ*

мой!» отвѣчала Государыня, *«но ты отказался отъ всѣхъ средствъ земныхъ, испытай небесное»*.

Больной охотно согласился. 15 Ноября положеніе его сдѣлалось почти безнадежнымъ. Въ 6 часовъ утра пришелъ священникъ о. Оеодотъ съ утѣшеніемъ вѣры. Государь открылъ глаза, облокотился на локоть и попросилъ духовника сѣсть. *«Поступайте со мною, какъ съ христіаниномъ; забудьте мое величество»*, сказалъ Государь и, исповѣдавшись, въ присутствіи Императрицы принялъ Св. Тайны. Послѣ сего онъ сказалъ: «никогда я не былъ въ такомъ утѣшительномъ положеніи, въ какомъ нахожусь теперь!» Тутъ священникъ, преклонивъ колѣна, присоединилъ свои просьбы къ просьбамъ Государыни, и оба именемъ отечества умоляли Государя не отвергать пособія врачей. *«Дайте что хотите»*, было его отвѣтомъ. Въ тотъ же день приставили 30 пѣяковъ, но пользы было мало. Ночь на 16-е была самая тягостная: Государь лежалъ въ сильномъ бреду. Въ 2-мъ часу пришелъ въ чувство, принялъ ложечку лимонада, но страданія не уменьшились. Горчица тоже не помогла и не прекратила жара. Страдалецъ уже не владѣлъ языкомъ. 17-го было еще хуже. Государь почти весь день находился въ сильнѣйшемъ жару и ничего не помнилъ. Приложили мушку. Въ 10-ть часовъ утра больной пришелъ въ себя и узналъ предстоящихъ, спросилъ пить, но не могъ уже открыть устъ. 18-го до самого вечера немного было легче. Къ ночи жаръ снова усилился. Государь открылъ глаза, взялъ руку Императрицы, поцѣловалъ ее и приложилъ къ груди. Въ 11-ть часовъ и 40 минутъ положеніе его сдѣлалось совершенно безнадежнымъ. 19-го онъ дышалъ уже весьма тяжело и сильно, такъ что слышно было въ другой комнатѣ. Въ послѣднія минуты начали читать отходную. Государыня не выпускала руки умирающаго. Въ 10 ч. и 50 м. утра не стало Александра. Императрица сама закрыла глаза усопшаго, подвязала платкомъ подбородокъ, сложила на крестъ руки, поцѣловала, поклонилась и сказала: *«прости, мой другъ!»* потомъ, помолясь образу, удалилась на свою половину и тутъ дала волю слезамъ. *«Господи! прости мое согрѣшеніе! Тебѣ угодно было лишить его меня»*, произнесла она, немного успокоившись. Тоже утро присутствовала она при панихидѣ, сама зажгла свѣчу, но уже не плакала.

На другой день князь П. М. Волконскій предложилъ Императрицѣ переѣхать въ частный, приготовленный для нея домъ. Она отвѣчала: *«Я очень уверена, что вы раздѣляете со мною мое несчастіе. Неужели думаете вы, что одна корона привязывала меня къ моему мужу? Прошу васъ не разлучать меня съ нимъ, пока будетъ возможно мнѣ остаться здѣсь»*. И только на третій день, когда нужно было

приступить къ бальзамированію и устройству парадной залы, она перѣхала на нѣсколько дней въ другой домъ.

9-ть дней лежало тѣло въ кабинетѣ на походной кровати, а въ 10-й перенесено въ залу на тронъ и положено въ гробъ, а потомъ въ Александровскій Іерусалимскій монастырь, построенный Варваціемъ, гдѣ и осталось до 29 Декабря, т. е. до отбытія въ С. Петербургъ.

Нынѣ частный домъ, въ коемъ скончался Государь, обращенъ во дворецъ, кабинетъ его въ церковь; остальные комнаты и комнаты Императрицы оставлены въ томъ видѣ, какъ были при ней. Въ Александровскомъ монастырѣ, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ гробъ, положена бѣлая мраморная плита съ чернымъ крестомъ. Катафалкъ помѣщенъ въ придѣлѣ надъ престоломъ; а на Іерусалимской площади жителями Таганрога поставленъ памятникъ, на коемъ Императоръ изображенъ съ открытою главою, въ порфирѣ, въ правой рукѣ скипетръ, а въ лѣвой опущенный мечъ, у ногъ двуглавый орелъ. На пьедесталѣ надпись: «Александру 1-му 1830.»

19 Ноября Таганрогская обитель совершаетъ торжественную панихиду; каждую субботу совершается частная панихида послѣ вечерни, а въ воскресенье—послѣ обѣдни, и кромѣ того высочайшее имя поминается ежедневно во время литургіи, при сугубой эктениі и при большомъ выходѣ.

*

Нижеслѣдующія статьи написаны Н. И. Шенигомъ въ видѣ примѣчаній къ главному его разсказу о кончинѣ Александра Павловича. Для удобства въ чтеніи, эти статьи помѣщаются здѣсь особо. П. В.

III.

О Школѣ Колонновожатыхъ.

Школа Колонновожатыхъ была первоначально учреждена княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ въ 1811 году въ С.-Петербургѣ, изъ которой въ 1812 году былъ первый выпускъ въ офицеры. Изъ числа ихъ были: Александръ Муравьевъ (бывшій потомъ гвардейскаго Генеральнаго Штаба полковникомъ, женатый на княжнѣ Шаховской, сосланный въ 1826 году въ Сибирь и потомъ бывшій совѣтникомъ въ Таврической губерніи); братъ его Николай (бывшій потомъ генералъ-адъютантъ и корпусный командиръ, командовавшій десантнымъ корпусомъ въ Турціи, женатый на графинѣ Чернышевой и потомъ за безпорядки уволенный отъ службы), и Михайла (нынѣ сенаторъ, бывшій Вилепскимъ и Курскимъ губернаторомъ, женатъ на Шереметевой); графъ Строгановъ, убитый въ 1814 году, Ни-

колай Дмитріевичъ Дурновъ (въ послѣдствіи флигель-адъютантъ и состоявшій генераль-маіоромъ, командиромъ пѣхотной бригады, убитый въ 1828 году въ Турецкую войну при Гассанъ-Ларѣ), князь Андрей Михайловичъ Голицынъ (нынѣшній генераль-губернаторъ Бѣлорусскій, женатый на Балковой); братъ его, кн. Михайла (нынѣ оберъ-квартирмейстеръ внутренней стражи, женатый на княжнѣ Суворовой), Левъ и Василій Перовскіе, баронъ Александръ Ивановичъ Фридрихсъ (умершій въ отставку полковникомъ, женатый на Акуловой); Ив. Ив. Вашутинъ (умершій генераль-маіоромъ и оберъ-квартирмейстромъ внутренней стражи), Иванъ Петровичъ Вешняковъ (умершій генераль-маіоромъ и гофмаршаломъ великаго князя Михаила Павловича), два брата Шрамма (они произведены въ офицеры во время кампаніи 1812 года, нынѣ генераль-маіоры, старшій начальникомъ Сибирскихъ казачьихъ школъ, младшій членомъ правленія Закавказскаго края) и много другихъ, которыхъ я не запомню. Они всѣ жили на вольныхъ квартирахъ и собирались въ штабъ для слушанія лекцій и черченія плановъ. Преподавателемъ военныхъ наукъ были: Александръ Ильичъ Хатовъ (нынѣ генераль отъ инфантеріи, ослѣпшій и потерявшій разсудокъ) и Преображенскаго полка полковникъ Рахмановъ (убитый, кажется, въ 1812 году). Черченію училъ полковникъ Платонъ Ивановичъ Пенскій (въ послѣдствіи директоръ фарфороваго завода, женатый на Грушецкой); фортификаціи полковникъ Фицтумъ фонъ Экстедъ (умерш. генераль-маіоромъ и предсѣдателемъ военно-ученаго комитета). Математику преподавалъ Михайла Муравьевъ. При началіи отечественной войны, нѣкоторые изъ колонновожатыхъ какъ то: Шраммы, Рихтеръ (умершій генераль-маіоромъ) были отправлены въ армію, а другіе подъ начальствомъ полковн. А. И. Хатова командированы на съемку Финляндіи. Тамъ классовъ не было, хотя всѣ вновь опредѣляющіеся были отправляемы туда, и число ихъ простиралось до 40 человѣкъ. Принималъ въ Петербургѣ по экзамену полковникъ Яковъ Яковлевичъ Ейхенъ (въ послѣдствіи генераль-маіоръ и управляющій Петергофомъ). Главная квартира Хатова была въ Або; лѣтомъ посылались партіями на съемку, т. е. нанесеніе ситуаціи на землемѣрскіе планы, а зимою занимались въ чертежной уменьшеніемъ посредствомъ картографа землемѣрскихъ плановъ, склейкою ихъ, разрѣзкою на листы для работъ будущаго года. Надзора надъ колонновожатыми не было никакого; несмотря на то, не происходило ни большихъ шалостей, ни безпорядковъ. Младшіе уважали старшихъ.

Опредѣляясь въ службу, я прибылъ въ Або въ 1814 году и нашелъ тамъ офицеровъ: барона Фридрихса (умершаго полковни-

никомъ), Седервальда (служившаго потомъ по судоходной части въ Финляндіи) и Юренева (Осипа Алексѣевича, въ послѣдствіи по неудовольствію генерала Толя переведеннаго поручикомъ въ Грузію и тамъ умершаго). При моемъ прибытіи нашель я товарищами себя Егора Ѳеодор. Фонъ Брадке (нынѣ сенатора), Ѳеодора Андреевича Яковлева (бывшаго потомъ старшимъ адъютантомъ Главнаго Штаба и умершаго дѣйств. ст. совѣтникомъ), Александра Антоновича Скалона (женатаго на Аннѣ Ѳеодоровнѣ Львовой, бывшаго потомъ уполномоченнаго для демаркаціи Греціи и пользовавшагося особою дружбою графа Каподистріи, потомъ въ чинѣ генераль-маіора Грузино-Имеретинскимъ губернаторомъ и умершаго сенаторомъ), Егора Астафьевича Ризенкампа (нынѣ генераль-маіора, директора департамента генеральнаго штаба), двухъ князей Черкасскихъ (изъ коихъ старшій умеръ въ Або, а младшій князь Петръ камергеромъ и губернаторомъ въ Симбирскѣ), Гецеля (нынѣ полковника въ военнопографическомъ депо), Вильбрехта (сына старика Александра Михайловича, ученика и секретаря знаменитаго Ейлера); Менде (нынѣ генерала маіора и начальника съемки въ Бѣлоруссіи). Въ послѣдствіи прибыли въ Або: Николай Сергѣевичъ Пестовъ, Василій Сергѣевичъ Толстой, Ланской (нынѣ бригадный командиръ въ кавалеріи), Германъ, Иванъ Андреевичъ Яковлевъ (нынѣ генераль-маіоръ), Стефанъ (нынѣ директоръ Военной Академіи), Ломоносовъ, графъ Александръ Армфельдъ (нынѣ министръ статсъ-секретарь Финляндіи), Бергенгеймъ, умершій губернаторомъ въ Вазѣ, и много другихъ.

При возобновленіи кампаніи въ 1815 г., многіе изъ колонновожатыхъ были потребованы въ армію, и въ томъ числѣ Врадке, Скалонъ, Ризенкампфъ, графъ Армфельдъ, Яковлевъ, и всѣ при Вертю произведены, а мы младшіе оставались подъ начальствомъ полковника Павла Петровича Черкасова (нынѣ умершаго генераль-маіора), и послѣ понемногу безъ экзамена производились въ офицеры, а нѣкоторые переведены въ Петербургъ въ канцелярію генераль-квартирмейстера и, занимаясь отъ себя, были по экзамену производимы, въ томъ числѣ и я.

По возвращеніи изъ похода въ 1815 году, генераль-маіоръ Николай Николаевичъ Муравьевъ (отецъ вышеупомянутыхъ трехъ братьевъ и Андрея Николаевича, автора духовныхъ сочиненій) предложилъ устроить въ Москвѣ школу для колонновожатыхъ и разрѣшить ему приѣмъ, на подобіе того какъ до 1811 года, при управленіи квартирмейстерскою частію графомъ Сухтеленемъ, дѣлалось генераломъ Герардомъ. Онъ предложилъ для сего свой домъ и деревню Осташево для лѣта. Все было утверждено, и преподавателемъ у него, кромѣ нѣкоторыхъ Московскихъ профессоровъ, были сынъ его Михайла и поручикъ Петръ

Ивановичъ Колошинъ (нынѣ дѣйств. ст. сов.). Колонновожатые жили по домамъ, съѣзжались зимою въ классы, а лѣтомъ занимались съемкою въ окрестностяхъ Москвы. Изъ этой школы вышли: Николай Ѳедоровичъ Бахметевъ (нынѣ въ отставкѣ, женатый на Лопухиной), Корниловичъ (въ послѣдствіи гвард. штабсъ-капитанъ, издатель нѣсколькихъ статей по части отечественной исторіи, въ 1825 посаженный въ крѣпость и умершій въ Грузіи въ армейскомъ полку); Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ (нынѣ генералъ маіоръ, директоръ военнотопогр. депо, бывшій флигель-адъют. и начальникъ штаба гренадерскаго корпуса), Вельяминовъ-Зерновъ (убитый капитаномъ въ Турціи), Христіани (нынѣ д. с. сов. и помощникъ контролера), Алексѣй Павловичъ Болотовъ (нынѣ полковникъ, профессоръ Геодезіи въ Военной Академіи), двое князей Трубецкихъ, графъ Чернышевъ (возвращенъ изъ Сибири), Кожевниковъ Александръ Львовичъ (умершій полковникомъ), Шереметевъ, князь Валентинъ Шаховскій и много другихъ. Въ 1821 году заведеніе это уничтожено, и школа переведена въ Петербургъ, подъ начальство Александра Ильича Хатова. Колонновожатые жили въ наемномъ домѣ на Невскомъ проспектѣ и имѣли свои классы въ Главномъ Штабѣ. Преподават. были: Математики Колошинъ, Болотовъ, Крюковъ и Христіани, военныхъ наукъ Хатовъ; Демьянъ Искрицкій (въ 1826 году изъ крѣпости за 14 Декабря выпущенный въ армію поручикомъ и умершій въ Грузіи), и я для Русскаго языка. Изъ этого заведешя выпущены въ офицеры: Верягинъ (нынѣ полковникъ, бывшій начальникомъ штаба Оренбургскаго корпуса), Александръ Искрицкій (нынѣ полковникъ, начальникъ архива военнотопогр. депо, женатъ на Ольгѣ Тунъ), Вердеревскій и Чirikовъ (оба полковники Генеральнаго Штаба), Палицынъ (возвращенный изъ Грузіи за 14 Декабря) и нѣсколько другихъ. Со вступленіемъ на престолъ Государя Николая Павловича эта школа уничтожена, и положено комплектовать Генеральный Штабъ учениками Военной Академіи, а съ этимъ учрежденіемъ уничтожилось и званіе колонновожатаго. До 1811 года имѣли они офицерскій мундиръ безъ эполетъ, треугольныя шляпы съ перьями, шпаги и ботфорты. При князѣ Волконскомъ даны имъ полные колеты съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и такимъ же погонами безъ галуновъ, пѣхотные краги съ пуговицами и шпоры, сабля съ серебрянымъ темлякомъ, пѣхотный киверъ и офицерская шинель. Они обязаны были дѣлать фронтъ офицерамъ, но могли ѣздить въ экипажахъ и ходить въ театръ и въ концерты, что было строго запрещаемо всѣмъ юнкерамъ гвардіи. Мундиры носили тонкаго сукна и зимою шинели съ бобровыми воротниками, смотря по состоянію,

IV.

О Корниловичѣ.

Александръ Осиповичъ Корниловичъ поступилъ въ колонновожатые въ 1816 году, изъ Одесскаго Лицея. Малороссійское его нарѣчіе, странное и добросердечное обращеніе дѣлало его сначала посмѣшищемъ товарищей; но, узнавъ его короче, всѣ полюбили его искренно. Онъ былъ кроткаго нрава, доброты необыкновенной, но слабаго характера, который и погубилъ его въ послѣдствіи. Онъ имѣлъ необыкновенную способность къ языкамъ. Пріѣхавъ изъ Одессы, онъ хорошо зналъ Русскій, Нѣмецкій, Французскій, Итальянскій и Латинскій, въ короткое время выучился Англійскому, Шведскому и Голандскому, читалъ и переводилъ съ нихъ все что касалось до нашей отечественной исторіи. Онъ, будучи колонновожатымъ, былъ прикомандированъ къ Дмитрію Петровичу Бутурлину, тогда еще адъютанту князя Волконскаго (въ послѣдствіи флигель-адъютанту, генералу, а наконецъ нынѣ члену Государственнаго Совѣта), который занимался составленіемъ исторіи походовъ Петра Великаго. Корниловичъ для сихъ занятій посланъ былъ въ Москву, гдѣ для него были открыты всѣ архивы. Тамъ сдѣлался онъ домашнимъ человѣкомъ у Ив. Ив. Дмитріева и вошелъ въ тамошній аристократическій кругъ. Возвратясь въ Петербургъ, онъ продолжалъ рыться въ архивахъ и тѣмъ подалъ поводъ многимъ журналистамъ искать его знакомства, чтобы попользоваться чрезъ него любопытными и не для всѣхъ доступными матеріалами. Онъ былъ въ особенной дружбѣ съ Н. И. Гречемъ, съ Булгариномъ, Николаемъ и Александромъ Бестужевымъ, Рылѣвымъ и Павл. Петр. Свининымъ. Копаясь въ архивахъ, онъ нечаянно попалъ на оригинальное дѣло о царевичѣ Алексѣя Петровичѣ, привезъ его домой, выписалъ изъ него самое интересное и показывалъ его всѣмъ намъ, его пріятелямъ. Не довольствуясь этимъ, онъ вздумалъ его отвести показать Александру Ив. Тургеневу; но, ѣхавъ въ саняхъ, по привычной своей разсѣянности, выронилъ и потерялъ всю кипу. Въ отчаяніи, возвратясь домой, онъ не зналъ что дѣлать, какъ вдругъ на другой день присылаетъ за нимъ Батенковъ (путей сообщенія подполковникъ, бывший долго въ Сибири при Сперанскомъ, потомъ правителемъ дѣлъ Сибирскаго Комитета, и наконецъ сдѣлался фаворитомъ и правою рукою графа Аракчеева, которому докладывалъ всѣ дѣла поступавшія къ нему изъ Государственнаго Совѣта. Замѣшанный по 14 Декабря, поступилъ въ высшій разрядъ и вѣроятно окончить жизнь на своей родинѣ), и

спрашиваетъ: не онъ ли потерялъ важныя государственныя бумаги? Корниловичъ признался. Вышло наружу что кто-то на улицѣ, найдя ихъ и видя, что это вещь нешуточная, представилъ ихъ графу Аракчееву и къ счастью въ присутствіи Батенкова, который тотчасъ смекнулъ, что это Корниловичева проказа. Все дѣло кончилось тѣмъ, что Батенковъ ему возвратилъ бумаги со строгимъ выговоромъ отъ графа. Не имѣя никакого состоянія кромѣ своего жалованья, Корниловичъ поступилъ въ цехъ писателей и, руководствуемый Гречемъ и другими, составилъ нѣсколько статей о Русской старинѣ и, наконецъ, въ товариществѣ съ казацкимъ офицеромъ Сухоруковымъ, бывшимъ тогда адъютантомъ Чернышева, издалъ альманахъ Русская Старина. Свиньинъ и Булгаринъ платили ему за его статьи и помѣщали ихъ въ своихъ журналахъ. Въ 1824 году находился онъ при Персидскомъ послѣ Мирзѣ-Салегѣ и былъ переведенъ въ гвардейскій Генеральный Штабъ. Не смотря на либеральный духъ своихъ пріятелей, онъ былъ ревностный защитникъ Императора и властей, и иногда нарочно спорили съ нимъ и доводили его до изступленія. Въ этомъ расположеніи духа оставилъ я его 1 Сентября 1825 года. Онъ поѣхалъ съ П. Львовымъ по Бѣлорусскому тракту, а я на Москву. Каково же было мое изумленіе, когда я потомъ узналъ, что Корниловичъ, 12 Декабря возвратившійся въ Петербургъ, 14, во время бунта, вмѣстѣ съ Трубецкимъ, Рылѣвымъ и пр. былъ въ кареѣ ¹⁰⁾, и тѣмъ же вечеромъ схваченъ у Скалона на квартирѣ и посаженъ въ крѣпость. Всѣ полагали, что онъ вмѣстѣ съ другими сосланъ въ Сибирь; но видно, по связямъ его съ Трубецкимъ и съ Австрійскимъ посланникомъ Лебцельтерномъ, онъ нуженъ былъ въ Петербургѣ. Его оставили въ Петропавловской крѣпости, и уже въ 1834 году онъ выпущенъ оттуда и посланъ тѣмъ же чиномъ въ армейскій полкъ въ Грузію, по пріѣздѣ куда онъ, вѣроятно отъ перемѣны образа жизни и климата, вскорѣ умеръ.

Въ Декабрѣ 1825 года, возвратясь въ Петербургъ, онъ, по разсказу знакомыхъ (я тогда былъ въ Таганрогѣ) былъ не похожъ на себя. Проѣздомъ заѣзжалъ онъ въ Васильковъ и попался въ руки къ Пестелю, Муравьевымъ и прочимъ бунтовщикамъ Черниговскаго полка. Они вскружили ему голову, и какъ наступило смутное время, и они начали уже возмущеніе на Югѣ, то и прислали его къ сѣвернымъ бунтовщикамъ съ разными порученіями, и онъ вообразилъ себя важнымъ агентомъ въ этомъ великомъ дѣлѣ. Пріѣхавъ 12 ч. въ Петербургъ, Корниловичъ не могъ остановиться на своей квартирѣ, въ домѣ Лазарева, по-

¹⁰⁾ Т. е. на Сенатской площади, гдѣ мятежники стали четырехугольникомъ (карре).

тому что она во время его отсутствія была не топлена, а узнавъ, что моя квартира въ штабѣ стоитъ пустая и ключъ отъ нея у инспектора дома полковника Юшкевича, онъ обратился къ нему, и тотъ, зная нашу товарищескую трубку, отперъ ему двери. Возвратясь изъ Таганрога въ Апрѣль 1826 года, я нашелъ въ моей квартирѣ арестантовъ и часового у дверей; а въ числѣ ихъ содержался и знаменитый Грибоѣдовъ который у меня на стѣнѣ написалъ два стиха:

По духу времени и вкусу,
Я ненавиждѣлъ слово р а б ѣ:
Меня и взяли въ Главный Штабъ
И потянули ко Иисусу!

Число ихъ было тогда очень велико, и ежедневно привозили новыхъ, такъ что въ крѣпости не было имъ мѣста, и распорядились всѣхъ не слишкомъ важныхъ преступниковъ помѣщать въ свободныя квартиры въ Главномъ Штабѣ. Недѣли двѣ послѣ моего пріѣзда мнѣ возвратили мои комнаты, и я къ удивленію моему нашелъ тамъ два ящика въ рогожахъ: въ одномъ двѣнадцать банокъ Кіевского варенья, а въ другомъ 24 бутылки славнаго Венгерскаго. Корниловичъ привезъ ихъ изъ отпуска отъ матери. Разумѣется, что я съ товарищами воспользовались этимъ наслѣдствомъ, и съѣли, и выпили ихъ за здоровье несчастнаго нашего арестанта. Утромъ 14 Дек., замышляя идти къ товарищамъ бунта и не зная, чѣмъ окончится эта исторія, Корниловичъ написалъ письмо къ своей матери и принесть его къ Галямину (Валерьяну Емельяновичу), жившему рядомъ со мною въ корридорѣ, и просилъ его доставить на почту. Галяминъ, не подозрѣвая ничего, положилъ письмо у себя на столъ; но когда вечеромъ почти въ его глазахъ флигель-ад. Дурново увезъ Корниловича, пившаго чай у сосѣда же нашего въ корридорѣ, Скалона, то желая избѣгнуть даже и малѣйшаго участія и подозрѣнія, не распечатывалъ, сжегъ порученное ему письмо. При допросѣ Корниловичъ показалъ, что онъ ни съ кѣмъ сношеній не имѣлъ, а писалъ только къ матери чрезъ Галямина, то и этого потребовали къ отвѣту, и за то что онъ, зная К. преступникомъ, не представилъ письма его начальству, также подѣ арестъ, и потомъ тѣмъ же чиномъ подполковника перевели въ Петровскій пѣхотный полкъ въ Финляндію. Не смотря на это наказаніе, онъ продолжалъ и окончилъ демаркацію Лапландіи, получилъ Шведскій орденъ Меча, но не произвождался въ полковники до окончанія Турецкаго похода, хотя и былъ представленъ къ чину и къ крестамъ разными начальниками своими и между прочимъ г. ад. Гейсмаромъ у котораго онъ былъ начальникомъ штаба въ Валахін. Послѣ Польской войны Галяминъ пере-

шелъ статскимъ совѣтникомъ подѣ начальство князя Волконскаго и сдѣлался директоромъ фарфороваго завода. Тутъ произведенъ онъ въ дѣйствит. ст. совѣтники и получилъ много нашихъ и иностранныхъ крестовъ и подарковъ. Разбитый параличемъ, онъ оставилъ службу.

V.

О П. П. Львовѣ.

Петръ Петровичъ Львовъ былъ въ молодыхъ лѣтахъ произведенъ въ офицеры Генеральнаго Штаба и по сложенію своему и лицу казался всегда еще моложе. У него не росла борода и всегда былъ тоненькій голосъ. Во время Турецкаго похода онъ понравился Дибичу своею бойкостью и расторопностію, такъ что онъ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Послѣ Польской войны онъ вышелъ къ статскимъ дѣламъ и вскорѣ былъ назначенъ губернаторомъ въ Витебскъ. Будучи отъ природы неспособнымъ къ браку, онъ однакожъ имѣлъ глупость жениться на прекрасной дѣвушкѣ, Ладыженской (нынѣ баронессѣ Розенъ)....

Раскаяніе, стыдъ, ревность довели его самого почти до безумія, такъ что онъ, въ припадкѣ бѣшенства, разможжилъ себѣ голову пистолетомъ, почти въ присутствіи жены, и похороненъ въ Витебскѣ, не смотря на званіе свое, какъ простой душегубецъ, безъ всякихъ христіанскихъ обрядовъ и почестей. Онъ былъ двоюродный братъ Алексѣю Θεодоровичу Львову, извѣстному нашему музыканту; а мачиха, его воспитывавшая,—сестра извѣстнаго адмирала Лазарева.

VI.

О баронѣ Фридрихѣ.

Баронъ А. А. Фридрихсъ произведенъ почти въ одно время со мною: я въ Генеральный Штабъ, а онъ въ учебный карабинерный полкъ, и мы съ нимъ познакомились въ то время, будучи для узнанія фронта прикомандированы къ его полку, стоявшему въ Петербургѣ, подѣ начальствомъ полковника Козлова. Вскорѣ потомъ онъ переведенъ былъ въ гвардейскій егерскій, и потомъ въ послѣдствіи назначенъ адъютантомъ къ Дибичу. Произведенный въ Измаиловскій полкъ въ полковники, онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Таганрогъ, на время пребыванія тамъ Государя. Въ то время когда Дибичъ открылъ по кончинѣ Государя доносъ о заговорѣ и бунтѣ на Югѣ, онъ былъ отправленъ

6 Декабря курьеромъ къ царствующему Государю. Прибывъ въ С.-Петербургъ, 13 Декабря онъ явился прямо къ дежурному генералу Потапову, чтобы узнать, ѣхать ли ему къ Константину Павловичу въ Варшаву или ожидать его въ столицѣ. Потаповъ велѣлъ ему представить пакетъ великому князю Николаю Павловичу. Получивъ его, великій князь тотчасъ распечаталъ. Тутъ Фридрихсъ догадался, что онъ видитъ предъ собою Государя и хотѣлъ было по обычаю стать на колѣни, но Николай Павловичъ удержалъ его, сказавъ: послѣ! Отъ себя послалъ его великій князь къ Маріи Ѳеодоровнѣ, которой онъ подробно разсказалъ о послѣднихъ минутахъ Александра Павловича и описалъ всѣ подробности тамошней жизни и положенія Государыни. Едва онъ успѣлъ пріѣхать къ отцу и братьямъ, какъ былъ снова потребованъ къ Николаю Павловичу и, получивъ отъ него пакетъ къ Дибичу, тутъ же былъ отправленъ обратно въ Таганрогъ. Не зная ни того, о чемъ привезъ извѣстіе, ни того что везетъ обратно, онъ однакожъ со всею поспѣшностію прискакалъ въ Таганрогъ 20 ночью и прямо къ Дибичу, который уже спалъ. Едва Дибичъ прочелъ письмо, какъ зарыдалъ и тутъ открылъ Фридрихсу, что посылалъ его съ извѣстіемъ о южномъ заговорѣ, а теперь пишетъ ему Государь Николай Павловичъ, что завтра, т. е. 14, рѣшительный для него день: живъ онъ или Императоръ, что часть гвардіи готова къ возмущенію, и вся надежда его на Бога.

Возвратясь въ Петербургъ послѣ кончины Елисаветы Алексѣевны, Фридрихсъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ, послѣ Турецкаго похода произведенъ въ генералы и назначенъ начальникомъ штаба 3 пѣх. корпуса, а теперь генералъ-лейтенантомъ и командиромъ 2 гренадерской дивизіи. Онъ жепатъ на дочери генерала Бартоломея. Старшій его братъ былъ командиромъ Московскаго полка и теперь оберъ-шталмейстеръ; второй Ѳеодоръ ослѣпъ и умеръ, а третій Борисъ сватался нѣкогда на Маріи Вревской, но передумалъ и сдѣлалъ предложеніе Елисаветѣ Зотовой, теперешней княгини Чернышевой, но получивъ отказъ уѣхалъ въ Грузію. Послѣ женился на Лифляндской баронессѣ Вульфъ, настроилъ домовъ въ Петербургѣ и разбогатѣлъ.

VII.

О Бергѣ ¹⁾.

Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Бергъ началъ свою службу въ Генеральномъ Штабѣ и, не имѣя основательныхъ свѣдѣній и учености, вышелъ въ люди бойкостію и шарлатанствомъ. Будучи колонновожатымъ, я за-

¹⁾ Впослѣдствіи фельдмаршалъ. П. Б.

сталъ его капитаномъ гвардейскаго штаба, сидящимъ въ чертежной съ обоими Голицыными, двоими Перовскими (Львомъ и Васильемъ), Д. П. Бутурлинымъ, гр. Армфельдомъ, гр. Александромъ Петровичемъ Толстымъ, подъ командой полковника Пенскаго, и копирующимъ какую-то карту Сициліи. Вскорѣ потомъ Бергъ былъ произведенъ въ полковники и посланъ въ Италію наблюдать за движеніемъ Австрійскихъ войскъ противъ заговора Карбонаріевъ, но вскорѣ по просьбѣ Метерниха возвратился въ Петербургъ во фракъ. Потомъ ѣздилъ онъ въ 1825 году въ Киргизскую степь, но безъ большой пользы, а въ 1826 году во время коронаціи назначенъ былъ въ генералы; но, по проискамъ Дурново и другихъ его старшихъ, производство отмѣнено, и онъ вдругъ явился во фракъ съ званіемъ совѣтника посольства въ Константинополь. Онъ взялъ съ собою также переодѣтыхъ дипломатами Тучкова и Ливена. Тамъ по секрету они занимались составленіемъ маршрутовъ по Булгаріи и снятіемъ важнѣйшихъ пунктовъ для замышляемой войны. Въ послѣдствіи открылось, и даже замѣчено самимъ Государемъ, что планы составленные Бергомъ никуда не годились, и даже видно было, что онъ дѣлалъ ихъ не будучи на мѣстѣ, а по разспросамъ. Въ Турецкій походъ 1828 онъ былъ генераль-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи, но показалъ такое невѣжество по фронту и боевымъ порядкамъ, что былъ на другой годъ замѣненъ Бутурлинымъ. Въ Польскую войну онъ умѣлъ подбиться къ князю Паскевичу и до того всюду бросался, что сдѣланъ былъ генераль-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи въ Варшавѣ, гдѣ и находился до 1844 года. Теперь онъ полный генералъ, генераль-квартирмейстеръ Главнаго Штаба въ Петербургѣ, шарлатанить около Государя и великихъ князей, ѣздить на маневры и играетъ въ военную игру; и все таки не понимаетъ сущности своего званія, а въ случаѣ необходимости старается загребать жаръ чужими руками, выдавая постороннюю работу за свою.

VIII.

О П. И. Юшковѣ.

Петръ Ивановичъ Юшковъ, тайный совѣтникъ, благодѣтель мой съ дѣтства. Онъ былъ двоюродный братъ Анны Николаовны Зиновьевой ¹²⁾ и зналъ мать мою еще маленькой дѣвочкой, ласкалъ меня и брата моего ребятами. Онъ въ 1813 году выписалъ насъ въ Петербургъ; по знакомству своему съ Григоріемъ Никаноровичемъ Струковымъ, быв-

¹²⁾ Урожденной Юшковой, сестры Петра Николаевича Юшкова, дочери котораго: А. П. Зонтагъ и А. П. Елагина. П. Б.

шимъ тогда Генеральнаго Штаба полковникомъ, онъ опредѣлялъ меня въ колонновожатые, а брата моего Сергѣя сначала въ пансіонъ Іезуитовъ, а потомъ въ корпусъ путей сообщенія. Я, будучи въ службѣ, жилъ у него болѣе четырехъ лѣтъ, и онъ старался вездѣ разсыпать обо мнѣ похвалы. Судьба его пристрастная. Отецъ его Иванъ Ивановичъ былъ губернаторомъ въ Москвѣ во время чумы, спасъ во время бунта П. Д. Еропкина и былъ обожаемъ Московскими жителями. Онъ былъ женатъ вторично на Настасѣ Петровнѣ Головиной (которую я еще очень помню), женщины почтенной, но безграмотной и стариннаго покроя, что не мѣшало ей съ большимъ порядкомъ управлять огромнымъ имѣніемъ. Петръ Ивановичъ, единственный сынъ, родился въ самый годъ чумы въ Москвѣ и остался 10-лѣтнимъ ребенкомъ послѣ смерти отца своего. Записанный еще до рожденія сержантомъ въ Семеновскій полкъ, во время обѣда императрицы Екатерины у отца его, въ то время какъ мать была имъ беременна, онъ, будучи взлелѣянъ необразованною женщиной, которая не знала въ немъ души, не могъ быть воспитанъ сообразно съ своимъ званіемъ и состояніемъ: въ ребячествѣ бывалъ своихъ дядекъ и учителей и выросъ повѣсою, которому никогда ни въ чемъ не смѣли ни отказывать, ни противорѣчить. 17 лѣтъ отвезли его въ Петербургъ и, по протекціи графа Брюса, тогдашняго шефа полка, при первой ваканціи, произвели въ офицеры и сдѣлали полковымъ адъютантомъ. Избалованный дома, онъ и на службѣ остался баловнемъ; въ продолженіи цѣлаго года ни разу не успѣвалъ въ время пріѣхать на разводъ или ученіе, и начальникъ, видя его небрежность по службѣ, черезъ годъ представилъ его въ камеръ-юнкеры, что и дало ему чинъ ст. совѣтника. Кн. Петръ Михайловичъ Волконскій, тогдашній его товарищъ, заступилъ его мѣсто въ полку. Въ концѣ царствованія Екатерины, онъ пожалованъ былъ камергеромъ, а при вступленіи Павла причисленъ къ герольдіи, гдѣ и остался до 1806 года, какъ вдругъ безъ всякаго искательства былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника. Мать его умерла въ 1808 году, оставя ему 10 т. душъ крестьянъ въ лучшихъ губерніяхъ, огромный домъ въ Москвѣ между Никольской и Ильинской, занимающій цѣлый переулокъ, который и называется Юшковскимъ, другой огромный домъ на Мясницкой противъ почтамта и прекрасную дачу на Дѣвичьемъ полѣ, въ которой Москва-рѣка текла по саду; сверхъ того до 40 пудовъ серебряной посуды, такъ что на обѣдахъ, гдѣ бывало слишкомъ 100 человѣкъ, не подавалось другихъ тарелокъ и блюдъ какъ тяжелые серебряные, брилліантовъ на 200 тысячъ; часовъ и табакерокъ были цѣлые комоды, а въ подвалахъ сундуки съ парчами, бархатомъ и матеріями. У него содержалось въ Москвѣ до 200 дворовыхъ людей и 50 лошадей на

конюшнѣ. О праздникахъ его до сихъ поръ помнятъ Московскіе жители. Онъ въ 1811 году давалъ у себя на дачѣ, въ теченіи трехъ недѣль сряду, 18 баловъ, съ фейерверками и музыкою въ саду, такъ что окрестныя фабрики перестали работать, ибо фабричныя всѣ ночи проводили около его дома и въ саду; а Новодѣвичья игуменья не могла справиться съ своими монахинями, которыя вмѣсто заутрени стояли на стѣнахъ монастыря, глядя на фейерверкъ и слушая Цыганъ и роговую музыку.

Въ 80 верстахъ отъ Москвы, въ Калужской губерніи, онъ имѣлъ деревню Чечково, въ которой былъ старій господскій домъ и 90 душъ крестьянъ. Изъ этой деревни онъ вздумалъ сдѣлать чудеса. Сначала выстроилъ тамъ паровую баню, что по тогдашнему времени была большая рѣдкость. Тутъ любилъ онъ играть роль повара и банщика: приносилъ изъ Москвы знакомыхъ, самъ готовилъ кушанья, парилъ и мылъ. Зимой устраивались горы, которыя вечеромъ были иллюминированы; музыка гремѣла, и забавлялись до утра. Въ двухъ мѣстахъ были подставы, рысаки въ бѣговыхъ саниахъ, такъ что обыкновенно ѣздили въ Чечково въ 5 часовъ. На каждой станціи жилъ дворецкій съ поваромъ, и когда бы ни пріѣзжалъ Петръ Ивановичъ, всегда былъ готовъ и обѣдъ и чай. Къ этимъ пріѣздамъ присоединилась идея сдѣлать изъ всѣхъ крестьянокъ танцовщицъ. Будучи самъ записнымъ и страшнымъ танцоромъ, онъ выучилъ до 20 лучшихъ дѣвокъ танцевать вальсъ, кадрили, экзосесы и другіе танцы того времени, одѣлъ ихъ въ балныя башмаки, штофныя сарафаны и бархатныя повязки, на рукахъ лайковыя перчатки. Онъ дѣйствительно танцевали ловче многихъ барышень и разговорами были совсѣмъ непохожи на крестьянокъ. Не смотря на это, онъ занимались всей крестьянской работой, по въ перчаткахъ и соломенныхъ шляпахъ, а волосы въ папильоткахъ. Привезя гостей въ Чечково, Юшковъ кормилъ ихъ отлично: самъ отлично варилъ борщъ, дѣлалъ индѣйку безъ костей, жарилъ телятину, въ которой бывало до двухъ пудовъ въ четверти, вечеромъ мылся въ банѣ или сажалъ въ ключевую ванну, а въ полночь начинался балъ до разсвѣта; не ложась спать и напившись чаю, катались на горахъ, потомъ опять обѣдали, танцевали и иногда проводили до трехъ сутокъ безъ сна. Надо къ этому прибавить, что любезность и внимательность хозяина обворожали гостей и, правду сказать, я рѣдко зналъ человѣка любезнѣе, острѣе и умнѣе Петра Ивановича. Съ нимъ трудно бывало соскучиться, и я, будучи ребенкомъ, а потомъ молодымъ человекомъ, съ глазу на глазъ проводилъ съ нимъ цѣлыя ночи въ разговорахъ и забывалъ сонъ.

Если бы ему дано было другое воспитаніе, то онъ былъ бы замѣчательнымъ человекомъ въ Россіи. Быстрота соображенія, твердость

воли, память и объемъ мыслей всегда меня въ немъ удивляли; но избалованность, нѣга и безпечность довели его до разстройства состоянія, что впрочемъ не измѣнило ни его любезности, ни веселости. Онъ, доведенный нынѣ до 120 душъ, все тотъ же какъ когда издерживалъ сотни тысячъ. Въ 1812 году, бросивъ и дома, и богатыя вещи, онъ думалъ только о спасеніи у него живущихъ: всѣ экипажи и лошадей отдалъ людямъ для выѣзда изъ Москвы и за два дня передъ входомъ непріятеля выѣхалъ въ Вологодскія свои деревни. Въ 1813 году онъ переѣхалъ въ Петербургъ, и первымъ шагомъ раззоренія была его музыка, которую онъ впрочемъ довелъ до совершенства. Всѣ 23 человѣка его музыкантовъ были солисты. Лафонъ, Бемъ, Бендеръ и проч. первоклассные музыканты давали имъ уроки, и иные по 25 р. за часъ. Бальный оркестръ его былъ единственный въ своемъ родѣ: становясь танцевать, задавали мотивъ, и на него тотчасъ же всѣмъ оркестромъ играли вальсъ, мазурку, кадрили и что угодно. Ромбергъ, Лафонъ, Львовъ, и другіе виртуозы просиживали ночи не танцуя, но слушая игру танцевъ и удивлялись быстротѣ импровизацій его перваго бального скрыпача, Ивана Григорьева.

Юшковъ не былъ женатъ и хотя былъ помолвленъ въ молодыхъ лѣтахъ на доброй и почтенной двояродной своей племянницѣ Авдотѣ Ивановнѣ Нарышкиной, но по странности своего характера, любя и уважая ее душевно, откладывалъ женитьбу и дожилъ до старости, не исполнивъ сего. Ближайшими его наслѣдниками были князь Куракинъ (Борисъ Алексѣевичъ, коего мать княгиня Наталья Ивановна была также Головина) и Сергѣй Семеновичъ Уваровъ (сынъ Дарьи Ивановны). Не желая, чтобы имѣніе его досталось въ ихъ руки, онъ полагалъ, что, живя по своимъ прихотямъ, все-таки останется у него довольно; но ошибся въ расчетѣ. Сначала непомѣрныя издержки, а послѣ несчастная страсть къ игрѣ до того разстроили его состояніе, что онъ долженъ былъ отдать себя въ распоряженіе посреднической комиссіи и довольствовался 6 т. асс. въ годъ. Теперь комиссія, распродавъ его имѣніе и удовлетворивъ 50% заимодавцевъ, по общему согласію кредиторовъ отдѣлила Петру Ивановичу 120 душъ и въ томъ числѣ, кажется, Чечково.

IX.

О П. И. Сумароковѣ.

Павель Ивановичъ Сумароковъ (д. тайный совѣтникъ и сенаторъ), внучатный братъ Юшкову, былъ нѣсколько лѣтъ губернаторомъ въ Витебскѣ и Новгородѣ, гдѣ память его, какъ правосуднѣйшаго и чест-

нѣйшаго человѣка, живетъ до сихъ поръ. Одаренный пылкимъ умомъ и характеромъ, онъ во всю жизнь свою старался бороться съ сильнѣйшими и часто упadalъ въ неравнѣйшій бой. Сначала онъ дѣлалъ всевозможныя притѣсненія имѣнію Сперанскаго, находившемуся близъ Новгорода; но когда этотъ попалъ въ опалу и пріѣхалъ въ свою деревню Великополье, Сумарковъ первый явился къ его услугамъ и старался доставить ему всѣ пріятности и угожденія. Могущество и власть графа Аракчеева подстрекнули его вступить съ нимъ въ бой, который сдѣлалъ его извѣстнымъ самому Государю. Началось съ того, что, вскорѣ по прибытіи въ Новгородъ, получилъ онъ письмо отъ графа, въ которомъ тотъ самымъ вѣжливымъ образомъ просилъ его, по случаю ревизованія уѣздовъ и вѣздомъ въ Тихвинъ, посѣтить его уединенное Грузино и доставить ему случай познакомиться лично съ почтеннымъ начальникомъ губерніи. Сумарковъ отвѣчалъ сухо, что Грузино не будетъ лежать на его тракѣ и что онъ сожалѣетъ, что ему невозможно будетъ исполнить желаніе графа.

Наступилъ 1812 годъ, съ своими рекрутскими наборами, ополченіемъ, сборомъ скота, лошадей, сухарей и пр. для дѣйствующей арміи. Сумарковъ, снисходительный ко всѣмъ другимъ помѣщикамъ, былъ необыкновенно строгъ и взыскателенъ къ исполненію повинностей графскаго имѣнія. Бурмистръ села Грузина, украшенный медалію, донесъ графу о строгостяхъ губернатора, и о забракovanіи людей и матеріаловъ, а тотъ обратился къ губернатору съ собственноручнымъ письмомъ, прося о снисхожденіи и между прочимъ написалъ: «Я полагаю, что непріятности, по дѣламъ моего имѣнія происходятъ отъ того, что мы имѣемъ съ вами сношеніе чрезъ посредниковъ, и потому, въ избѣжаніе сего, я прошу ваше превосходительство во всѣхъ дѣлахъ касательно до села моего Грузина относиться прямо ко мнѣ, а я уже съ своей стороны буду брать мои мѣры. Почему я и предписалъ моему бурмистру ожидать моихъ приказаній и не обращать вниманіе на требованіе земской полиціи. Надѣюсь, что в. п-во не откажете мнѣ въ семъ одолженіи». Сумарковъ отвѣчалъ рѣзко: «Въ губерніи моей до 500 помѣщиковъ, и ежели я исполню желаніе вашего сіятельства и войду съ вами въ особую переписку по дѣламъ вашего имѣнія, то я не въ правѣ буду отказать въ ономъ послѣднему изъ дворянъ и не буду имѣть времени на управленіе губерніей. А потому прошу в. с. перемѣнить распоряженіе ваше и предписать бурмистру вашему исполнять строго всѣ предписанія земской полиціи, ибо во противномъ случаѣ я буду вынужденъ потребовать его въ городъ и публично наказать плетями». Получивъ письмо и отирая отвѣтъ, Сумарковъ сообщилъ и то и другое бывшимъ у него дворянамъ и въ томъ числѣ губернскому пред-

водителю С , который не замедлил обо всемъ увѣдомить графа съ прикрасою. Въ слѣдствіе этого графъ опять написалъ собственноручно: «Въ письмѣ в. п. вы употребили не то выраженіе, которое сказано было вами при собраніи дворянъ, а именно: ежели мнѣ начать переписываться съ графомъ, то придется вступать въ переписку и съ послѣднимъ капраломъ. А потому, обращая къ вамъ оное, прошу исправить сдѣланную вами ошибку». Сумароковъ возвратилъ присланное свое письмо и написалъ: «Безчестно и подло переносить изъ дома въ домъ вѣсти, а еще безчестнѣе и подлѣе передавать ихъ съ прибавленіями. Я не отпираюсь отъ словъ моихъ, и смыслъ ихъ остается все тотъ же, кромѣ слова: капралъ, вмѣсто котораго я употребилъ: послѣдній дворянинъ; а потому написанное мною къ вамъ письмо возвращено безъ поправки. Послѣ сихъ объясненій я увѣренъ, что пріобрѣлъ въ особѣ вашей злѣйшаго врага. Ваше сіятельство-вельможа, много значите при дворѣ, можете сдѣлать мнѣ вредъ и, зная вашъ характеръ, я увѣренъ, что не упустите перваго случая, чтобы оказать мнѣ оный; но знайте, что я болѣе дорожу моею честью, нежели моимъ мѣстомъ и держусь Русской пословицы: хоть голъ да правъ!» Отъѣздъ графа за границу прекратилъ эту непріятную переписку, и Сумароковъ правилъ губерніею къ общему всѣхъ сословій удовольствію, но неожиданно самъ согрѣлъ себя за пазухой змѣю. Онъ былъ давно знакомъ съ Новгородскимъ же помѣщикомъ, отставнымъ флотскимъ офицеромъ Николаемъ Назарьевичемъ Муравьевымъ (въ послѣдствіи государственный секретарь) и, по желанію и просьбѣ его, представилъ его въ вице-губернаторы. Муравьевъ, рассчитавъ, что выгоднѣе угождать графу, передался на его сторону и началъ вооружать его противъ Сумарокова. Возвратясь изъ похода въ 1815 году, Аракчеевъ вспомнилъ о своемъ врагѣ и по указаніямъ Муравьева сдѣлалъ на него доносъ, вслѣдствіе котораго были отправлены для ревизіи два сенатора (кажется Миловановъ и Модерахъ), которые, проживъ нѣсколько недѣль въ Новгородѣ, донесли, что они не могутъ открыть ничего по той причинѣ, что губернаторъ не допускаетъ ихъ до надлежащаго изслѣдованія. Сумароковъ по этому случаю былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ и жилъ до тѣхъ поръ, пока возвратившіеся сенаторы объявили, что они не могли найти ничего противузаконнаго, и Павелъ Ивановичъ возвратился въ Новгородъ. Аракчеевъ, избѣженный на сенаторовъ, рѣшился дѣйствовать самъ: взялъ у генералъ-губернатора слѣдственнаго Петербургскаго пристава ст. сов. Шипулинскаго и еще другаго надежнаго полицейскаго чиновника и отправилъ ихъ въ Новгородъ съ купеческими паспортами, переодѣтыхъ купцами, съ фальшивыми бородами. Тѣ, прибывъ на мѣсто, начали ходить по рынкамъ, по

харчевнямъ и спрашивать стороною о мнимыхъ злоупотребленіяхъ губернатора. Новгородскій полицмейстеръ Бондыревъ, человекъ бойкій и преданный Сумарокову, вскорѣ попалъ на ихъ слѣдъ и, подозрѣвая въ нихъ шпионовъ, донесъ начальнику, который безъ дальнихъ отговорокъ велѣлъ представить ихъ къ нему на другой день закованныхъ. Бондыревъ выпустилъ на Шипулинскаго содержащихся въ тюрьмѣ негодяевъ, приказавъ въ трактирѣ затѣять съ ними споръ и драку. Тѣ тотчасъ же исполнили приказаніе, и полицмейстеръ схватилъ всѣхъ и, разсидивъ порознь, началъ допрашивать. Аракчеевскіе агенты сбились въ словахъ, переодѣванье ихъ обнаружено, и на другой день оба въ кандалахъ приведены къ Сумарокову. Шипулинскій выпросилъ позволеніе переговорить наединѣ и признался, кто онъ и зачѣмъ присланъ; но Павелъ Ивановичъ, какъ будто не хотя вѣрить, чтобы вельможа рѣшился употребить такіа мѣры противъ ничтожнаго губернатора, велѣлъ обоимъ молодцовъ заковать и отправить по пересылкѣ въ С.-Петербургъ. Можно себя вообразить бѣшенство графа! Онъ далъ пройти немного времени, но потомъ началъ просить Государя о смѣнѣ Сумарокова, увѣряя, что онъ пьетъ. Сколько П. А. Кикинъ (пріятель Сумарокова, тогда статсъ-секретарь) ни старался разуверить Императора, но слова Аракчеева подѣйствовали, и Сумарокова разбудилъ ночью фельдъ-егерь съ указомъ сдать губернію вице-губернатору Муравьеву, и быть самому причислену къ Герольдіи. Пав. Ивановичъ вскочилъ съ постели, послалъ за Муравьевымъ, членами Приказа и совѣтниками, въ теченіи трехъ часовъ сдалъ суммы и всѣ дѣла, къ утру, получивъ квитанцію, бросился въ коляску и, въ тотъ же вечеръ прискакавъ въ Петербургъ, представилъ министру росписку о сдачѣ губерніи. Таковая исправность доведена была до свѣдѣнія Государя, но не перемѣнила судьбы Сумарокова. Съ лишеніемъ мѣста онъ потерялъ и жалованье, а собственнаго имѣнія у него было около 60 т. асс. капитала, изъ доходовъ котораго надобно еще было удѣлять дочери ¹³⁾ и сыну, тогда капитану артиллеріи (теперь генералъ-адъютантъ и начальникъ гвардейской артиллеріи). Поэтому онъ жилъ въ двухъ комнатахъ и почти ежедневно ходилъ пѣшкомъ обѣдать къ Кикину, а для поддержанія себя написалъ книжку: Изображеніе Екатерины Второй, которую раскупали для доставленія сочинителю куска хлѣба. Находясь въ такомъ бѣдственномъ положеніи, онъ рѣшился прибѣгнуть къ Аракчееву и написалъ къ нему письмо.

«Вы удивитесь вѣроятно, получивъ письмо отъ человека вамъ

¹³⁾ Доселѣ здравствующая Марья Павловна Сумарокова. П. Б.

непріятнаго; но это самое должно возбудить въ васъ чувство самолюбія, видя, что я, доведенный вами до послѣдней крайности, васъ же избираю орудіемъ къ оказанію мнѣ справедливой защиты, предполагая въ васъ благородство превыше мести».

«Я 35 лѣтъ въ службѣ, былъ губернаторомъ въ двухъ губерніяхъ, вездѣ былъ отличаемою и начальствомъ, и великою княгинею Екатериной Павловной. Никогда не просилъ, никогда ничего не получалъ и до сихъ поръ не имѣю даже въ петлицѣ украшенія. Нынѣ, по проищамъ и клеветѣ, лишень мѣста и съ тѣмъ вмѣстѣ дневнаго пропитанія и, подобно страдальцу при овчей купели, взываю: человѣка не имамъ!»

«Въ васъ-то надѣюся я обрѣсти такового человѣка, почему и прибѣгаю объ оказаніи мнѣ справедливаго возмездія за мою усердную и безпорочную службу».

Графъ получилъ письмо, прочелъ и, положивъ въ бюро, сказалъ посланному: «кланяйся Павлу Ивановичу!» Тѣмъ все и кончилось. Сумароковъ прожилъ года два въ Петербургѣ и страдалъ отъ недостатка и бездѣйствія. Кикинъ, соболѣзнуя о его положеніи и согласясь съ общими знакомыми, подъ предлогомъ выручки за книгу, доставилъ ему нѣсколько тысячъ и уговорилъ ѣхать въ чужіе края. Сумароковъ поѣхалъ и, возвратясь года черезъ полтора, издалъ свои путевыя записки и тѣмъ опять поддерживалъ свое бѣдное существованіе. Въ 1822 году, сидя у Кикина за обѣдомъ, вдругъ онъ получаетъ чрезъ фельдъегеря пакетъ, со вложеніемъ указа о назначеніи его сенаторомъ; подъ указомъ было подписано рукою графа: съ подлиннымъ вѣрно, графъ Аракчеевъ. Сумароковъ на другой же день поѣхалъ къ нему, но тотъ не принялъ. Въ 1825 году министръ юстиціи князь Лобановъ, представляя къ наградамъ сенаторовъ, спросилъ у Сумарокова, чего бы хотѣлъ онъ? Тотъ пожелалъ аренды, ибо тогда сенаторы получали, кажется, не болѣе 4 т. асс., и онъ отъ Гагаринской пристани хаживалъ въ Сенатъ пѣшкомъ, не имѣя экипажа. Государь отказалъ, отозвавшись, что поставилъ себѣ за правило не давать сенаторамъ аренду. Павелъ Ивановичъ упросилъ князя Лобанова сказать отъ имени его объ этомъ графу и представить ему его положеніе. Чрезъ два дня пріѣхалъ опять фельдъегерь съ указомъ о пожалованіи аренды, и подъ указомъ также подпись: съ подлиннымъ вѣрно, графъ Аракчеевъ. Сумароковъ опять поѣхалъ и не былъ принятъ. Когда графъ, въ концѣ 1826 года, возвратился изъ за границы и жилъ въ опалѣ въ Грузинѣ, не смѣя пріѣхать въ Петербургъ, то Клейнмихель и другіе имъ облагодѣтельствованные забыли о его существованіи; одинъ Сумароковъ не пропускалъ ни дня именинъ, ни рожденія графа, чтобъ не съѣздить въ

Грузино съ личнымъ поздравленіемъ. Теперь онъ разбитъ параличемъ, никакого не узнаеть и говорить безсвязно. Я пользовался его расположеніемъ и нѣсколько недѣль жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ у П. И. Юшкова, когда онъ, во время вражды своей съ графомъ, принужденъ былъ пріѣхать въ Петербургъ для принесенія оправданій.

Х.

О путешествіяхъ Александра Павловича.

Покойный государь Александръ Павловичъ имѣлъ привычку путешествовать съ маршрутами въ рукахъ. Для составленія ихъ всегда посылались впередъ офицеры квартирмейстерской части и снимали каждую станцію на отдѣльномъ листкѣ въ масштабѣ 2-хъ дюймовъ на версту. Маршруты дѣлались со всею топографическою подробностію, глазомѣрно, съ окрестнымъ мѣстоположеніемъ на двѣ версты по бокамъ дороги и съ описаніемъ по сторонѣ, кому принадлежитъ означенное на картѣ имѣніе, откуда и куда идутъ боковыя дороги и пр. Всѣ эти маршруты отъ города до города переплетались въ зеленныя сафьянныя книжечки одинаковаго формата и хранились дорѣдой у кн. Волконскаго или Дибича. Я и товарищи мои, особенно Кожевниковъ и Тучковъ, такъ привыкли къ этаго рода съемкѣ, что дѣлали ихъ по 150 и болѣе верстъ въ день. По возвращеніи въ Петербургъ маршруты эти хранились въ депо картъ, такъ что, по причинѣ частыхъ поѣздокъ Государя по всѣмъ направленіямъ Россіи, теперь накопилась ихъ большая коллекція, и они послужили съ пользою для составленія семитопографической карты.

ХІ.

О Спераномъ.

Про ссылку Мих. Мих. Сперанскаго было столько разныхъ толковъ, что невозможно всему вѣрить. Общее мнѣніе было, что Балашовымъ и Армфельдомъ была открыта переписка его съ Наполеономъ; но, судя по благородству характера и истинно-Русскому его патріотизму, трудно предполагать, чтобъ онъ рѣшился быть когда-либо измѣнникомъ. Указъ о прощеніи его говоритъ, что онъ удаленъ былъ не за какую-либо государственную измѣну, а за частное преступленіе противъ особы Государя. Ѳедоръ Петровичъ Львовъ, бывшій до послѣдней минуты секретаремъ его, самъ рассказывалъ мнѣ обстоятельства этаго дѣла, и они кажутся мнѣ вѣроподобными. Поповское происхож-

деніе Сперанскаго, быстрое его возвышеніе, а, главное, необыкновенное довѣріе и милость Государя, возстановили противъ него вельможъ и министровъ, которые не могли простить ему, что онъ, будучи государственнымъ секретаремъ, управлялъ Совѣтомъ и былъ единственнымъ докладчикомъ по всѣмъ государственнымъ дѣламъ. Искали случая его свергнуть, и глава заговора былъ Балашовъ, тогдашній министръ полиціи. Довольно странный случай подалъ къ тому поводъ. Сперанскій былъ въ тѣсной дружбѣ съ Магницкимъ и, какъ полагають, въ связяхъ съ его женою ¹⁴⁾. Жена одного отставленнаго по высочайшему повеленію вице-губернатора, подруга жены Магницкаго по институту, пріѣхала въ Петербургъ хлопотать объ оправданіи мужа и бросилась къ старой своей пріятельницѣ, чтобъ чрезъ нее дѣйствовать на Сперанскаго. Тотъ взялся хлопотать и доложилъ Государю. Александръ Павловичъ, будучи одаренъ необыкновенной памятью, вспомнилъ объ отставленномъ и рѣшительно отказалъ. Сперанскій черезъ нѣсколько времени повторилъ представленіе, но получилъ отказъ вторично. Между тѣмъ просительница неотвязно приступала къ Магницкой, и та при ней написала записку къ Сперанскому, прося увѣдомить, есть ли надежда на опредѣленіе отставленнаго? Черезъ нѣсколько минутъ Сперанскій написалъ въ отвѣтъ: «Что мнѣ дѣлать съ безтолковой, плѣшивой головой, которая никакихъ резоновъ слышать не хочетъ и, съ свойственнымъ ему упрямствомъ, во второй разъ отказала мнѣ рѣшительно!» ¹⁵⁾ Магницкая показала отвѣтъ сей сидѣвшей у нея пріятельницѣ, а та припрятала эту записку въ карманъ и распроцавшись поѣхала къ Балашову, объяснила ему свою просьбу и показала собственноручную записку Сперанскаго. Балашовъ вспрыгнулъ отъ радости, общалъ ей выхлопотать опредѣленіе мужа, и тутъ же, взявъ съ собою графа Армфельда, поскакалъ къ Государю и представилъ ему этотъ документъ. На другой день Сперанскій былъ у Государя съ докладомъ, и онъ не показалъ ему ни малѣйшаго вида негодованія, но пріѣхавъ домой Сперанскій нашель у себя Балашева съ высочайшимъ повелѣніемъ схватить всѣ его бумаги, а ему подъ карауломъ туже минуту выѣхать въ свою Новгородскую деревню. Магницкій также былъ высланъ изъ города, а Львовъ уволенъ отъ службы и причисленъ къ герольдіи ¹⁶⁾.

¹⁴⁾ Французенкою. П. Б.

¹⁵⁾ Извѣстенъ также дошедшій будто до Государя другой отзывъ Сперанскаго по поводу поѣздки по крѣпостямъ: Нашъ Вобанъ, нашъ Вобланъ (veau blanc). П. Б.

¹⁶⁾ Читатели замѣтятъ, что это изложеніе не совсѣмъ точно. По возвращеніи отъ Государя 17 Марта 1812 Сперанскій нашель повелѣніе ѣхать въ Нижній. П. Б.

Сперанскій былъ въ послѣдствіи генералъ-губернаторомъ въ Пензѣ, гдѣ память его осталась на вѣки. Во время его управленія всѣ почти тяжбы были прекращены, спорящіеся приходили къ нему, и онъ разобравъ дѣло, словесно рѣшалъ, и приговоръ его исполнялся свято. Изъ Пензы былъ онъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, откуда былъ въ 1822 году призванъ въ Петербургъ и окончилъ жизнь окруженный почестями и всеобщимъ уваженіемъ.

ХІІ.

О Магницкомъ.

Магницкій былъ также прощенъ и, кажется, назначенъ губернаторомъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ вкрался въ милость князя Александра Николаевича Голицына (тогда министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ), надѣвъ на себя маску святоши, пустился въ мистицизмъ, былъ ревностный участникъ въ библейскомъ обществѣ и наконецъ назначенъ попечителемъ Казанскаго университета. Одаренный привлекательной и важной наружностью, имѣя необыкновенный даръ слова и образованный умъ, и тая, вѣроятно, въ душѣ своей ненависть и мщеніе за полученную обиду, онъ какъ будто принялъ себѣ за правило искажать и увеличивать до нелѣпости всѣ правительственныя мѣры. Будучи въ душѣ либералъ и вольнодумецъ, онъ жестоко преслѣдовалъ всякую современную идею и довелъ набожность до смѣшнаго ханжества. Въ Казани, собравъ университетскій совѣтъ, онъ сдѣлалъ предложеніе, что находить мерзкимъ и богопротивнымъ употреблять созданіе и подобіе Творца, человѣка, на анатомическіе препараты и хранить въ спиртахъ человѣческихъ уродовъ. Профессора прекословить не посмѣли и рѣшили предать землѣ весь анатомическій кабинетъ съ подобающею почестью. Вслѣдствіе сего заказаны были гробы, въ нихъ помѣстили всѣ препараты, сухіе и въ спиртѣ и, по отпѣтіи панихиды, въ парадѣ и съ процесіей, понесли на кладбище, гдѣ и предали землѣ. Въ другое собраніе университета Магницкій краснорѣчиво изложилъ необходимость соединенія въ ученыхъ людяхъ учености съ свѣтскими приличіями и наружными формами и, замѣтивъ, что большая часть г.г. профессоровъ, вдавшись въ ученіе, изслѣдованія и занятія, до того пренебрегаютъ наружностью, что являются посмѣшищемъ для учащихъся, предложилъ имъ поочередно приходиться къ нему и получать уроки и наставленія, какъ входитъ въ гостинныя и дѣлать поклоны сообразно съ принятыми въ свѣтѣ обыкновеніями. Профессора опять не посмѣли

прекословить и должны были учиться у него поклонамъ и шарканью, что онъ преподавалъ имъ со всевозможною важностію, самъ же въ душѣ смѣялся. Эти выходки до того однакоже раздражали благомыслящихъ, а особенно иностранцевъ, что они всё оставили университетъ.

Цензурнымъ его притязаніямъ не было конца, и до того, что они сдѣлались посмѣшищемъ. Въ этомъ-то, кажется, и была цѣль Магницкаго. Онъ желалъ раздражить умы и, упрочивая достоинство верховной власти, дѣлалъ ее смѣшною и нелѣпою. Со вступленіемъ на престолъ государя Николая Павловича, онъ перемѣнилъ систему, началъ возставать противъ мистицизма и его приверженцевъ, и потомъ открытою войною дѣйствовалъ противъ своего благодѣтеля князя Голицына, но не устоялъ въ неравной борьбѣ. Государь постигъ вредный умъ Магницкаго, и сначала приказалъ ему жить постоянно въ Ревелѣ, а потомъ позволилъ переѣхать въ Одессу, гдѣ онъ подъ конецъ дней своихъ пустился въ коммерческіе обороты, занимался торговлею чая, но все не могъ оставаться спокойнымъ и нѣсколько разъ покушался дѣлать доносы на управленіе князя Воронцова, но, какъ кажется, безуспѣшно.

ХІІІ.

О Ѳ. П. Львовѣ.

Ѳедоръ Петровичъ Львовъ, умершій въ 1835 году тайнымъ совѣтникомъ, былъ человѣкъ ума и способностей необыкновенныхъ. Родня и другъ Державину и Капнисту, онъ и самъ былъ поэтомъ, и многія изъ его сочиненій изданы подъ названіемъ Скимнина. Начавъ службу свою въ канцеляріи фельдмаршала Румянцова, онъ потомъ поступилъ секретаремъ къ канцлеру его сыну, по части коммерціи. Вся торговля и таможни были въ его рукахъ, и онъ, по увѣренію многихъ, составилъ себѣ огромное состояніе, которое однакожь до сихъ поръ не обнаружено, а скорѣе надобно думать, что слухи эти основаны на вѣроятіи; можетъ статья, что онъ и пользовался подарками, но не замѣтно, чтобы накопилъ милліоны, какъ многіе думали. Первая жена его была Березина, вторая Елисавета Николаевна, дочь Н. А. Львова и воспитывалась въ домѣ Державина. Отъ первой осталось въ живыхъ одиннадцать человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ Алексѣй, нынѣ генералъ-маіоръ, директоръ пѣвческой капеллы, извѣстный скрипачъ и композиторъ. Отъ второй жены шесть человѣкъ, и всѣ они удачно пристроены къ службѣ, а дочери хорошо выданы замужъ. Въ послѣдствіи Ѳ. П. Львовъ былъ секретаремъ Сперанскаго и оставался числящимся по герольдіи до 1823

года. Кочубей и Мордвиновъ представляли о принятіи его вновь въ службу; но, Государь, будучи дурно предубѣжденъ, всегда отказывалъ, и Львовъ увидѣлъ, что для этого нужно дѣйствовать чрезъ Аракчеева, котораго никогда не зналъ лично. Случай къ этому скоро представился. Ѳедоръ Петровичъ проводилъ часть лѣта на Званкѣ, у тетки своей Дарьи Алексѣевны Державиной, въ сосѣдствѣ военныхъ поселеній. Сынъ его Алексѣй, будучи поручикомъ путей сообщенія, строилъ близъ Новгорода мостъ, и Аракчеевъ часто пріѣзжалъ смотрѣть работы. Провѣдавъ время, когда графъ долженъ былъ пріѣхать, Львовъ прибылъ къ сыну, и тотъ въ разговорѣ съ графомъ сказалъ, что теперь у него въ гостяхъ отецъ. Аракчеевъ, наслышанный объ умѣ старика Львова, захотѣлъ съ нимъ познакомиться, и тотъ, принявъ простодушный видъ и простой тонъ, такъ умѣлъ очаровать графа, что черезъ двѣ недѣли былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ, съ назначеніемъ состоять при Аракчеевѣ. Тутъ открылось для него новое поприще, и дѣловой умъ его оказался въ полномъ блескѣ. Графъ поручалъ ему разсмотрѣніе важнѣйшихъ дѣлъ, а тутъ Куракинъ, Кочубей, Мордвиновъ и др. бросились къ нему за совѣтами и ходатайствомъ. Онъ умѣлъ поддѣлаться подъ необразованный тонъ графскій и не иначе называлъ его какъ: «Батюшка, ваше сіятельство! Вы единственный нашъ государственный человѣкъ. Берегите себя и подумайте, что будетъ съ бѣдной Россіей, ежели вы себя разстроите». Такъ говорилъ онъ ему, и тотъ со слезами на глазахъ обнималъ Львова и говорилъ, дружески: «вотъ человѣкъ, который одинъ меня понимаетъ». Между тѣмъ Ѳедоръ Петровичъ, возвратясь домой, въ кругу семьи, въ которой и я бывалъ принятъ какъ родной, смѣялся надъ глупою необразованностію Аракчеева. Вскорѣ получилъ онъ двѣ звѣзды и произведенъ въ тайные совѣтники. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ, лишась своего покровителя и чувствуя себя уже устарѣвшимъ, чтобы добиваться новыхъ почестей, онъ остался только директоромъ придворныхъ пѣвчихъ и предался музыкальной своей страсти. Послѣ смерти, жена получила въ пенсіонъ все его жалованье, а дочери сдѣланы фрейлинами.

XIV.

О С о л о м к ѣ.

Аванасій Даниловичъ Соломка, будучи поручикомъ полевой артиллеріи, былъ въ 1814 году, по рекомендаціи графа Аракчева, назначенъ вагенмейстеромъ при экипажахъ Императора и сопровождалъ его во всѣхъ вояжахъ, имѣя подъ командой кучеровъ и запасный станокъ

съ кузницей, который слѣдовалъ всюду за коляскою Государя. Всѣ части коляски были заготовлены, и при малѣйшемъ поврежденіи экипажъ Государя могъ въ одну минуту быть исправленъ. Соломка наблюдалъ за симъ, равно и за смазкою колесъ, но совсѣмъ тѣмъ былъ почти всегда удостоенъ во время дорожки чести сидѣть за государевымъ столомъ. Онъ въ короткое время былъ произведенъ въ полковники и получилъ кресты. Онъ, человекъ необразованный, но хитрый и пройдоха, умѣлъ подлаживаться и князю Волконскому, и Дибичу, пользовался чѣмъ могъ и во время путешествій, и отъ экипажныхъ мастеровъ, выставляя себя за человека случайнаго и пользующагося особою милостію Государя. Онъ два раза былъ выгодно женатъ и, не имѣя гроша за душою, нажилъ около двухъ т. душъ, и теперь генералъ-лейтенантъ и инспекторъ инженерныхъ арсеналовъ и парковъ. Я былъ съ нимъ въ короткихъ сношеніяхъ по службѣ, ѣздилъ съ нимъ въ Бѣлевъ во время кончины императрицы Елисаветы Алексѣевны, и потомъ въ Турецкую войну, гдѣ поручена ему была продажа ремонтныхъ лошадей для главной квартиры и дирекція надъ всѣмъ обозомъ. Тутъ онъ составилъ себѣ значительный капиталъ. Онъ интересенъ многими мелочными подробностями и случаями, касающимися до путешествій покойнаго Императора.

Между прочимъ я слышалъ отъ него замѣчательное происшествіе, случившееся во время послѣдней поѣздки Государя изъ Петербурга въ Таганрогъ. По маршруту назначенъ былъ ночлегъ въ Константиноградѣ, и Императоръ, пріѣхавъ туда въ 9 часовъ вечера, остановился въ одномъ домѣ съ Дибичемъ. Комнаты ихъ раздѣлялись сѣнями. Соломкѣ отведена была квартира у купца, и онъ, пріѣхавъ туда, нашелъ ее освященною и самоваръ на столѣ. Взошедъ въ спальню, онъ удивился, увидя на приготовленной для него кровати незнакомаго ему гусарскаго офицера въ парадной формѣ. При входѣ тотъ вскочилъ и съ извиненіемъ объяснилъ, что онъ полковникъ Артамонъ Муравьевъ, командиръ, кажется Александрійскаго гусарскаго полка, и прибылъ нарочно въ городъ, чтобъ просить протекціи и покровительства Соломки. Тотъ, удивленный такимъ явленіемъ, пригласилъ его выпить съ нимъ чаю и объяснить свою просьбу. Муравьевъ, подъ величайшею тайною, открылъ, что онъ находится въ самомъ критическомъ положеніи: разстратилъ казенныя деньги и, ожидая на дняхъ инспекторскаго смотра, предвидитъ свою гибель, и потому рѣшился на дерзкій шагъ искать случая лично объяснить Государю свое положеніе и пасть къ ногамъ его съ повинною головою. Но чтобъ видѣть Императора насдинѣ, онъ не нашелъ другаго средства какъ прибѣгнуть къ Соломкѣ доставить ему удобную минуту и по секрету доложить о его желаніи чрезъ

камердинера. Во время сей исповѣди, вдругъ является фельдъ-егерь Годфруа отъ Дибича, и Соломка, полагая, что дѣло идетъ объ экипажахъ для завтрашняго дня, поспѣшно побѣжалъ къ нему. Дибичъ, по приходѣ Соломки, заперъ дверь и серьезнымъ тономъ спросилъ его: кто у васъ въ гостяхъ? Соломка разсказалъ ему все и увѣрилъ, что онъ никогда прежде и не зналъ и не видывалъ Муравьева. Дибичъ приказалъ ему идти домой и сказать Муравьеву, что онъ нашелъ удобный случай исполнить его желаніе, привести его въ домъ, занимаемый Государемъ, но вмѣсто того, чтобъ впустить его въ комнаты Императора, ввести его прямо къ нему Дибичу. Соломка, съ свойственною ему хитростью, принявъ веселый видъ, возвратился къ себѣ и съ торжествомъ объявилъ Муравьеву, что судьба ему покровительствуетъ, случай готовъ, и Государь его ожидаетъ. Муравьевъ въ восторгѣ побѣжалъ за нимъ, и тотъ, впустивъ его къ Дибичу, около получаса ждалъ конца; по выходѣ же Муравьева былъ позванъ къ Дибичу и получилъ строжайшее приказаніе наблюдать за Муравьевымъ и не выпускать его изъ глазъ до выѣзда Государя, а въ помощь ему данъ Годфруа, который долженъ былъ ночевать при входѣ Соломкиной квартиры. Сошедшись дома, разумѣется Муравьевъ началъ упрекать Соломку за обманъ, но показалъ ему пакетъ съ деньгами, сказавъ, что Государь, узнавъ чрезъ Дибича о его положеніи, велѣлъ ему вручить 20 тысячъ; что это благодѣяніе такъ его поразило, что онъ снова проситъ Соломку доставить ему случай видѣть Государя и пасть къ ногамъ его съ изъявленіемъ благодарности. Соломка увѣрилъ, что Императоръ выѣзжаетъ завтра не рано и что онъ надѣется доставить ему случай видѣть его передъ отъѣздомъ, и что онъ даже ему въ томъ ручается. Муравьевъ въ этой надеждѣ легъ спать; а Соломка, притворяясь спящимъ, не спускалъ съ него глазъ и утромъ, расположась пить чай, успокоивалъ его все надеждою свиданія съ Государемъ, собираясь какъ будто бы идти въ домъ. Вдругъ колокольный звонъ и крикъ народа возвѣстилъ выѣздъ Императора, и вонедшій Годфруа объявилъ, что Государь уѣхалъ и что коляска Соломки у крыльца. Муравьевъ поблѣднѣлъ отъ досады, а Соломка, извинившись въ неудачѣ, оставилъ его въ Константиноградѣ.

По изслѣдованію комисіи о заговорѣ, оказалось, что Муравьевъ, по собственному его признанію, дѣйствительно имѣлъ намѣреніе посягнуть на жизнь Государя и для этого выѣзжалъ въ Константиноградъ. Вѣроятно Государь былъ заранѣе предувѣдомленъ объ этомъ покушеніи, потому что Дибичъ зналъ о нахожденіи Муравьева на квартирѣ у Соломки. Непонятно, почему онъ тогда же не былъ схваченъ?

XV.

О Байковѣ.

Илья Ивановичъ Байковъ съ 1805 года былъ любимымъ и, можно сказать, единственнымъ кучеромъ Императора. Онъ съ необыкновенной красотою, съ черными какъ смоль волосами, соединялъ чрезвычайную силу, ловкость въ управленіи лошадьми и въ обращеніи съ людьми. Онъ умѣлъ кстати разсмѣшить Государя, а иногда заплакать отъ чувствительности. Такъ, сидя на козлахъ въ Таганрогѣ, когда Императоръ прогуливался съ Елисаветой Алексѣвной, онъ со слезами говорилъ, что никогда съ такимъ удовольствіемъ онъ не возилъ Государя. Во все время шествія тѣла покойнаго Императора до Петербурга, онъ правилъ на колесницѣ и когда, обыкновенно, народъ въ городахъ несъ ее на себѣ, то Байковъ сидѣлъ, заливаясь горькими слезами. Это привлекало къ нему и народъ, и купечество, которое вездѣ его угощало и дѣлало большіе подарки. Сопутствуя вездѣ Государю и въ походахъ 1813—1814 годовъ, и во время путешествій по Россіи, онъ обыкновенно, пріѣхавъ на станцію, снималъ рукавицы и бросалъ на землю, не слѣзая съ козелъ, и махалъ руками, какъ будто отъ усталости. Почтовые содержатели знали эту уловку и обыкновенно, подавая ему рукавицы, вкладывали 50 р. ассигнаціями; если же не было денегъ въ рукавицахъ, то Байковъ или загонялъ лошадей или дѣлалъ какъ будто не можетъ съ ними справиться, и тогда бѣда почтсодержателю! Можно представить, сколько онъ такимъ образомъ набиралъ денегъ, кромѣ денежныхъ подарковъ отъ Императора. Онъ, наконецъ, былъ 1-й гильдіи купцомъ и владѣльцемъ нѣсколькихъ каменныхъ домовъ въ Петербургѣ. По кончинѣ Государя онъ получилъ золотую медаль съ портретомъ Александра, а отъ Прусскаго короля крестъ, которые всегда носилъ, оставаясь лейбъ-кучеромъ императрицы Александры Ѳеодоровны. Дѣти его воспитывались въ пансіонахъ и послѣ, кажется, опредѣлены были въ Инженерный Корпусъ. Онъ былъ прежде кучеромъ извѣстнаго въ Россіи силача флотскаго офицера Лукина, съ которымъ они показывали чудеса необыкновенной силы. По смерти Лукина онъ выпросилъ у Государя пансіонъ своей прежней барынѣ и, по его просьбѣ, дѣти приняты въ корпуса на казенный счетъ.

XVI.

Объ отцѣ Ѳеодотѣ.

По пріѣздѣ въ Таганрогъ, Государь, не взявъ съ собою придворнаго священника, приказалъ въ устроенную въ домѣ его церковь взять

одного изъ приходскихъ городскихъ, и выборъ палъ на отца Θεодота, челоуѣка совершенно необразованнаго, немолодаго и даже охотника до лишней рюмки. Благообразная его наружность, голосъ и манеры понравились однакожъ Императору, и онъ назначенъ былъ служить во дворцѣ, сохраняя свой приходъ. Когда, передъ кончиною, Государь пожелалъ исполнить христіанскій долгъ, то на вопросъ князя Волконскаго, кого ему угодно назначить духовникомъ, онъ отвѣчалъ «отца Θεодота». И онъ лучше всякаго умнаго исполнилъ свое дѣло, уговоривъ Государя прибѣгнуть, хотя и поздно, къ помощи врачей. По кончинѣ онъ провожалъ съ образомъ тѣло Государя, слѣдуя всегда передъ колесницею въ коляскѣ. По прибытіи въ Петербургъ, отецъ Θεодотъ былъ сдѣланъ протоіереемъ, получилъ камилавку и наперстный крестъ, а отъ Государыни два алмазные. Послѣ похоронъ онъ былъ, въ придворномъ экипажѣ, отправленъ обратно въ Таганрогъ. Елисавета Алексѣевна пожелала имѣть его духовникомъ своимъ, и онъ былъ при кончинѣ ея въ Бѣлевѣ, откуда равномерно провожалъ ея тѣло до Петербурга. Тутъ получилъ онъ митру и сдѣланъ придворнымъ и съ большими почестями и наградами отправленъ въ Таганрогъ, гдѣ ему отведена квартира во дворцѣ и большое содержаніе. Во время архіерейскихъ служеній, онъ занималъ, послѣ епископа, первое мѣсто и всегда со слезами говорилъ о постигшемъ насъ бѣдствіи, которое, однакожъ, было причиною его счастія.

XVII.

О В. Д. Новосильцовѣ.

Владимиръ Дмитріевичъ Новосильцовъ, сынъ Д. А. Новосильцова и Екатерины Владимировны, урожденной графини Орловой, былъ молодой челоуѣкъ, прекрасный собою, очень высокаго роста, блѣлокурый, черты лица добрыя, но невыразительныя. Фельдмаршалъ графъ Сакенъ, находясь, до 1812 года, лѣтъ десять подъ судомъ и въ стѣсненномъ положеніи, былъ принятъ въ домъ Новосильцовой (которая съ перваго года женитьбы жила розно съ мужемъ, хотя по дѣламъ, касающимся до сына, всегда была съ нимъ въ перепискѣ и даже видалась), и былъ ею благодѣтельствованъ. Сынъ, вступивъ въ службу въ гусары, былъ тотчасъ-же взятъ фельдмаршаломъ въ адъютанты, а въ 1823 году сдѣланъ флигель-адъютантомъ и пріѣхалъ въ Петербургъ. Не любя большаго свѣта, онъ ограничивалъ свое знакомство тѣснымъ кругомъ пріятелей, занимался музыкою, играя самъ довольно хорошо на кларнетѣ, изрѣдка рисовалъ и чрезъ то сдѣлался другомъ Галямина, который самъ

былъ отличный музыкантъ и рисовальщикъ. Черезъ Галямина познакомился съ Новосильцовымъ и я и былъ съ нимъ почти ежедневно. Онъ получалъ отъ матери большое содержаніе, держалъ отличныхъ лошадей, имѣлъ всегда хорошую квартиру и роскошный для молодого человека столъ. Въ числѣ короткихъ его знакомыхъ былъ и Николай Антоновичъ Скалонъ, поручикъ генеральнаго штаба. Будучи на съѣмкѣ окрестностей Петербурга, онъ гдѣ-то, около Рождествена, познакомился съ фамиліей Чернова, бывшаго генераль-аудитора дѣйствующей арміи и, приѣхавъ въ Петербургъ, расхвалилъ дочь его Марью Пахомовну, какъ единственную въ мірѣ красавицу. Галяминъ вздумалъ поѣхать посмотреть это чудо и вскорѣ потащилъ къ Черновымъ Новосильцова. Новосильцовъ увидѣлъ, влюбился и, подстрекаемый Галяминымъ, сдѣлалъ предложеніе, не спросясь отца и матери. Въ то время былъ живъ еще и дѣдъ его, графъ Владимиръ Григорьевичъ Орловъ. Черновы обрадовались такой выгодной во всѣхъ отношеніяхъ партіи и позволяли дочери такое вольное обращеніе съ женихомъ, послѣ котораго честному человеку невозможно уже было отказаться. По перепискѣ Новосильцовъ получилъ формальный отказъ отъ своихъ родителей и, увѣренный въ слабости матери, рѣшился поѣхать въ Москву испросить лично позволенія. Это было въ концѣ 1824 года, и я, находясь тогда въ военныхъ поселеніяхъ для дислокаціи запасныхъ баталіоновъ, получилъ письмо отъ Галямина и Новосильцова, которые оба одинаково казались влюбленными и вызывали меня для свиданія въ Новгородъ. Я не засталъ уже ихъ тамъ, а узналъ послѣ, что вскорѣ Галяминъ возвратился одинъ, а Новосильцовъ остался въ Москвѣ. Отсутствие и убѣдительные доводы вѣроятно охладили его страсть, и прошло нѣсколько мѣсяцевъ безъ малѣйшаго извѣстія, не смотря на письма невѣсты и ея братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ офицеромъ въ Семеновскомъ полку, а другой въ уланскомъ. Возвратясь въ Ноябрь въ Петербургъ, я нашелъ Галямина взбѣшеннымъ на Новосильцова, тѣмъ болѣе что онъ, знакомя его въ домѣ, какъ бы отвѣтствовалъ за его поступки. Миѣ онъ въ этомъ не признавался; но кажется, что, не получая самъ отвѣта, сочинилъ отъ имени брата Черновой довольно сильное письмо, которое послѣ дошло до Новосильцова и прозвело совершенный между двумя друзьями разрывъ, такъ что они уже болѣе другъ съ другомъ не видались.—Черновы, не получая отвѣта и тщетно ожидая возвращенія Новосильцова, отправились сами въ Москву и хотѣли угрозами заставить его исполнить обѣщаніе; но это совершенно уничтожило ихъ надежды. Новосильцовъ, обиженный ихъ упреками, принялъ вызовъ на дуэль; но родственники предупѣдомили начальство, и Черновы были высланы изъ Москвы. На бѣду, въ Петербургѣ они знакомы были съ

извѣстнымъ Рылѣвымъ. Тотъ, закланной врагъ аристократовъ, началъ раздувать пламя, и кончилось тѣмъ, что осенью 1825 года, Семеновскій Черновъ вызвалъ Новосильцова, взявъ себѣ секундантами Рылѣва и Кондратія Карловича Шмидта (женатаго на Еленѣ Никитишнѣ Арсеньевой), а Новосильцовъ—флигель-адъютанта Александра Ивановича Германа и возвратившагося съ княземъ Волконскимъ изъ Парижа адъютанта его, Евгенія Андреевича Реада (убитаго флигель-адъютантомъ подѣ Шумлою въ 1828 году), извѣстнаго своими дуэлями. Съѣхались въ 6 часовъ поутру за Выборгской заставой; секунданта свѣсили пороховъ и пули, зарядили пистолеты и отмѣрили барьеръ въ 8 шаговъ, отъ котораго могли по произволу сходиться и ближе. Черновъ выстрѣлилъ первый, и оба продолжали подходить другъ къ другу; выстрѣлилъ Новосильцовъ, и Черновъ упалъ пораженный въ голову. Новосильцовъ, сдѣлавъ около сто шаговъ къ каретѣ, вдругъ почувствовалъ боль въ животѣ и упалъ безъ чувствъ. Его отнесли въ трактиръ, и онъ на пятый день умеръ. У Чернова пуля вошла повыше праваго виска и въ головѣ раздвоилась; большую половину вынули, а меньшая вошла во внутренность головы вершка на 4 и улеглась въ мозгу. Его трепанировали, но безъ пользы, и онъ черезъ 12 дней умеръ. Новосильцова тѣло отвезли въ Москву и похоронили въ Новоспаскомъ монастырѣ; на мѣстѣ дуэли мать выстроила церковь и богадѣльню. Чернова хоронили товарищи и собрали между собою 10.000 р. для памятника.

Секунданты не были наказаны.

XVIII.

Объ Аракчеевѣ.

Находясь въ 1824 году въ военныхъ поселеніяхъ, я слышалъ, что какая-то странствующая монахиня заходила въ Грузино и, бывъ принята графомъ, сказала ему: «Береги Настасью; пока она жива, и ты счастливъ, а съ ея смертію и оно кончится». Это приписывали въ то время пронырству Настаси Ѳедоровны, которая хотѣла этимъ подѣйствовать на суевѣрный умъ своего сіятельнаго любовника. Но послѣдствіе оправдало справедливость этого пророчества. Настася Ѳедоровна была крѣпостная дѣвка графа и жила съ нимъ болѣе 20 лѣтъ, пользуясь большимъ уваженіемъ всѣхъ окружающихъ. Она, говоря, притворяясь беременною, подкинула Шумскаго, котораго графъ долго считалъ своимъ сыномъ; но кто-то изъ дворовыхъ людей, озлобленный на фаворитку, открылъ графу всю правду, и она призналась. Между тѣмъ графъ привязался къ мальчику и продолжалъ его воспитывать какъ

сына, выпросилъ ему дворянство и фамилію Шумскаго, опредѣлилъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ онъ былъ произведенъ въ камеръ-пажи, выпущенъ офицеромъ въ гвардейскую артиллерію и назначенъ флигель-адъютантомъ, къ большой обидѣ своихъ товарищей. И дѣйствительно, онъ поведеніемъ своимъ срамилъ это высокое званіе, являясь часто пьянымъ и разъ даже свалился на разводѣ съ лошади. Это жестоко огорчило графа ¹⁾, который любилъ его безъ ума; наконецъ, въ 1826 году, въ бытность графа въ чужихъ краяхъ, Шумскій въ пьяномъ видѣ, озлобленный противъ своего благодѣтеля, котораго онъ впрочемъ ненавидѣлъ, явился къ нему съ пистолетомъ, грозя застрѣлить. Онъ отправилъ его на службу, но и тутъ пьяный, на шумѣвъ въ театрѣ, былъ сначала выключенъ изъ флигель-адъютантовъ и тѣмъ же чиномъ отправленъ въ Грузію, а послѣ и совсѣмъ выгнанъ изъ службы и еще при жизни графа опредѣленъ писцомъ въ Новгородскій уѣздный судъ, а потомъ поступилъ служкою въ Юрьевъ монастырь. Куда потомъ дѣвался, неизвѣстно.

Настасья Ѳедоровна, пользуясь довѣренностію графа, оказывала во многихъ дѣлахъ протекцію и не отказывалась отъ подарковъ и денегъ. По смерти ея графъ нашелъ, говорятъ, письма многихъ значущихъ людей и возвратилъ ихъ имъ вмѣстѣ съ найденными кружевами, серьгами и проч. Самъ Государь Александръ Павловичъ удостоивалъ ее своимъ вниманіемъ и, для ласки графу, заходилъ въ ея комнаты и пивалъ чай. Разумѣется, что въ домѣ она была полной госпожей, сидѣла хозяйкой за обѣдомъ, къ ней подходили къ ручкѣ, и она взыскивала и наказывала людей, не уступая въ жестокости графу. Въ Октябрѣ 1825 года, во время отсутствія графа изъ Грузина по округамъ военного поселенія, поваръ и сестра его, 16 лѣтняя дѣвка, бывшая въ прислугѣ, забрались ночью въ спальню Настасьи Ѳедоровны и отрѣзали ей голову. Послали къ графу извѣстіе о ея болѣзни, чтобъ не испугать его, и тотъ на другой же день прискакалъ домой съ фонъ-Фрикеномъ (своимъ другомъ и командиромъ его полка). Не доѣзжая Грузина, встрѣтилъ онъ на мосту строительнаго отряда капитана Кафку, домашняго человѣка въ домѣ, который не зналъ о принятой предосторожности. Графъ остановясь спросилъ: «Что Настасья Ѳедоровна?» — «Нѣтъ никакой помощи, ваше сіятельство; голова осталась на одной только кожицѣ». Услышавъ это, графъ понялъ, въ чемъ дѣло и заревѣлъ дикимъ голосомъ. Люди и правые, и виноватые были схвачены и

¹⁾ Въ минуту откровенности разъ сказалъ Аракчеевъ Ѳ. П. Львову, говоря о Шумскомъ: „Да, братецъ, онъ добрый и неглупый малый; но крестьянская изба всегда пахнетъ дымомъ“.

преданы суду. Новгородскій губернаторъ Жеребцовъ дѣйствовалъ по волѣ графа, и по восшествіи на престолъ Николая Павловича дѣло было переслѣдовано, и многіе возвращались изъ Сибири. Графъ похоронилъ ее въ Грузинской церкви возлѣ своей могилы и сдѣлалъ надпись: здѣсь похоронено тѣло мученицы Анастасіи, убіенной дворовыми людьми села Грузина, за безпредѣльную и христіанскую любовь ея къ графу. Я самъ читалъ и списалъ ее, будучи въ 1826 въ Грузинѣ, и нашелъ на могилѣ красное яйцо и засохшій букетъ цвѣтовъ, положенные графомъ. Аракчеевъ такъ огорчился этой потерей, что отказался отъ дѣлъ, надѣлъ сѣрый кафтанъ и переѣхалъ въ Юрьевъ монастырь къ отцу архимандриту Фотію, который въ церкви на мѣдной рѣшеткѣ вырѣзалъ: на семь мѣстъ боляринъ Ал. Анд. Аракчеевъ, въ дни скорби своей, возсылалъ теплыя свои молитвы къ Богу. Императоръ Александръ Павловичъ, получивъ о семь происшествіи извѣстіе, вызывалъ графа въ Таганрогъ и въ милостивыхъ и дружескихъ выраженіяхъ увѣдомлялъ, что самъ занимается приготовленіемъ для него квартиры, увѣдомляя, что никто болѣе его не принимаетъ живѣйшаго участія въ его сердечной потерѣ. Это письмо графъ, по кончинѣ Государя, переписалъ во многихъ экземплярахъ и раздавалъ своимъ знакомымъ и, будучи въ Берлинѣ въ 1826 году, напечаталъ на трехъ языкахъ все собраніе писемъ писанныхъ къ нему покойнымъ Императоромъ; но король Пруссій захватилъ это изданіе и прислалъ во время коронаціи въ Москву къ Государю.

Смерть дѣвки отняла у Аракчеева способность заниматься государственными дѣлами, а кончина Александра Павловича ему оную возвратила. При полученіи о ней извѣстія онъ оставилъ монастырь и явился въ Петербургъ, принявъ оставленную должность, но сейчасъ замѣтилъ, что въ новомъ Государѣ онъ не найдетъ того неограниченнаго довѣрія, которымъ пользовался при покойномъ. По случаю проѣзда тѣла Императора Александра черезъ Новгородъ, онъ выпросилъ позволеніе устроить ему церемоніаль встрѣчи, и надобно было удивляться порядку, но и безчувственности распорядителя. Видя къ себѣ немилость Царя, онъ вдругъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что онъ давно уже пожалованъ покойнымъ Государемъ кавалеромъ Св. Андрея, но что онъ до сихъ поръ не носилъ этого ордена, а теперь проситъ дозволенія возложить его на себя. Государь отвѣчалъ, что, истребовавъ списокъ кавалеровъ ордена Св. Андрея, онъ не нашелъ его въ числѣ оныхъ, и потому не можетъ ему позволить носить орденскихъ знаковъ. Вскорѣ потомъ Аракчеевъ отправился за границу и былъ уволенъ безсрочно, продолжая считаться главноначаль-

ствующимъ надъ военными поселеніями, которыя въ его отсутствіе управлялись начальникомъ главнаго штаба Е. И. Величества. Въ Октябрѣ узналъ Государь, что Аракчеевъ возвращается и поручилъ Дибичу послать къ нему письмо въ Кіевъ, съ увѣдомленіемъ, что Императоръ, полагая, что кратковременное пользованіе водами не могло совершенно излечить его, предоставляетъ ему возвратиться въ чужіе края, до совершеннаго выздоровленія; а ежели же графъ полагаетъ окончить курсъ своего леченія въ Россіи, то совѣтуетъ ему воспользоваться деревенскимъ воздухомъ и, не пріѣзжая въ столицу, остаться въ Грузинѣ. Я самъ сочинялъ и переписывалъ это письмо. Аракчеевъ, возвратясь въ Грузино въ Ноябрь, написалъ Императору, что, имѣя у себя многія государственныя бумаги, которыя требуютъ личнаго доклада, просить Его Величество дозволить ему ихъ представить. Въ отвѣтъ былъ посланъ къ нему графъ А. И. Чернышевъ съ письмомъ Государя, въ которомъ онъ изъяснялъ свое удивленіе, что графъ, имѣвъ неоднократно доклады, до сихъ поръ мѣшкалъ представленіемъ важныхъ государственныхъ бумагъ, и потому Его Величество поручаетъ Чернышеву пересмотрѣть ихъ и ему представить. Пріѣхавъ въ Грузино, Чернышевъ просилъ отпереть ему кабинетъ и привезъ оттуда не только бумаги, но и всю оригинальную переписку покойнаго Государя, и съ тѣхъ поръ графъ болѣе въ Петербургъ не являлся и умеръ въ Грузинѣ. Имѣніе поступило въ казну, согласно съ его завѣщаніемъ, а движимость продана въ Петербургѣ съ аукціона. Имъ распорядился коллежскій совѣтникъ Кованько, на Литейной, въ казенномъ деревянномъ домѣ, крытомъ бумагой, въ которомъ обыкновенно жилъ Аракчеевъ. Для завлеченія охотниковъ купить, Кованько рассказывалъ достоинства всякой вещи. Напримѣръ о простой шитой шелками подушкѣ провозглашалъ, что она шита императрицею Жозефиною; двѣ старинныя рюмки будто тѣ самыя, изъ которыхъ Государь и Наполеонъ пили за здоровье другъ друга, при свиданіи въ Тильзитѣ. Но, кажется, что эти рассказы мало нашли легковѣрныхъ, и всѣ вещи продавались дешево. И дѣйствительно, мало было вещей, заслуживающихъ особаго вниманія: это былъ сбродъ всякой всячины, обнаруживающій безвкусіе мѣщанина въ дворянствѣ. Точно тоже можно сказать и про Грузино. Съ перваго взгляда видны затѣи богатаго временщика, но не знатнаго барина. Вездѣ какое-то чванство: въ церкви на стѣнахъ бронзовыми буквами рескрипты на чины и ордена; вездѣ портреты его въ *rep-dant* къ портрету Меншикова, которому когда-то принадлежало Грузино. Гробница его, высѣченная Мартосомъ прелестно, заживо была сдѣлана, и надпись, съ пробѣломъ дня кончины. Памятникъ убіеннымъ офицерамъ его полка также отлично хорошъ. Въ саду гrotтамъ, мо-

стикамъ, бесѣдкамъ нѣтъ числа, напоминающимъ извѣстный садъ Гапина въ Петербургѣ, про котораго написалъ Измайловъ:

Vive, vive monsieur Ganin,
Qui a un si beau jardin!

Въ кабинетѣ его на бюро разложены были перо, карандашъ, каждый съ надписью: этимъ перомъ писалъ императоръ Александръ Павловичъ во время послѣдняго своего пребыванія въ Грузинѣ; этимъ карандашемъ и пр. Въ гостиной, диванной были припечатаны переплетенныя книги, одна съ собственноручными письмами великой княгини Маріи Павловны, другая съ письмами Анны Павловны и другихъ членовъ императорскаго дома. Въ гостиницѣ для пріѣзжихъ можно было имѣть и столъ, и вина изъ графскаго дома, но съ оговоркою: на каждую персону не болѣе одной рюмки водки и полубутылки вина. Нарѣкъ богатая гранитная гавань, и передъ нею фрегатъ, на которомъ всегда были готовы казенные матросы. Во время Старорусскаго бунта графъ убѣжалъ въ Новгородъ и требовалъ себѣ охранительнаго караула, а въ Грузинѣ велѣлъ приготовить роскошный столъ, выставить всю фарфоровую и серебряную посуду, лучшія вина и проч. Бунтовщики солдаты пришли, обыскали весь домъ и, не найдя графа, отобѣдали чинно и удалились, не тронувъ ничего.

Могущество и вліяніе графа на дѣла государственныя кажутся теперь невѣроятными. Всѣ дѣла Государственнаго Совѣта разсматривались имъ и, съ его отмѣткою карандашемъ, отсылались на утвержденіе. Всѣ указы исполнялись тогда только, когда рукою графа были выставлены годъ и число. Въ приказахъ по военному поселенію можно найти между прочимъ: «такого-то уланскаго полка поручикъ N. N. и корнетъ N. N. Высочайшимъ приказомъ произведены въ слѣдующіе чины; но какъ поведеніе сихъ офицеровъ того не заслуживаетъ, то я и предписываю считать ихъ по прежнему: NN въ поручичьемъ и N. N. въ корнетскомъ чинѣ». Все дрожало передъ нимъ, не только въ поселеніяхъ, но и во всей Россіи. За то и паденіе его было причиною общей радости.

Нѣсколько словъ о Н. И. Шенигѣ.

Сочинитель вышенапечатанныхъ воспоминаній, Николай Игнатьевичъ Шёнигъ (человѣкъ вполнѣ Русскій по чувствамъ и убѣжденіямъ) принадлежалъ къ тому ряду достойнѣйшихъ людей, которыхъ Николаевское царствованіе унаслѣдовало отъ временъ Александра Павловича. Онъ былъ Орловскій уроженецъ и воспитался въ домѣ тамошней богатой помѣщицы Анны Николаевны Зиновьевой, урожденной Юшковой *). О воспитаніи своемъ и службѣ говоритъ онъ самъ въ своихъ Запискахъ. Въ дополненіе къ нимъ надо прибавить, что, состоя въ Генеральномъ Штабѣ, Н. П. Шёнигъ принималъ участіе въ Турецкой войнѣ 1828 года и находился при осадѣ Варны. Въ 1829 году вышелъ онъ въ отставку съ чиномъ полковника и за тѣмъ былъ избираемъ Орловскимъ дворянствомъ въ предводители.

Въ 1842 — 1844 годахъ Шёнигъ служилъ въ Дерптѣ помощникомъ попечителя (Крае-стрѣма), и въ Дерптскихъ преданіяхъ сохраняется до сихъ поръ память объ его благородной дѣятельности. Будучи другомъ порядка, онъ въ тоже время одаренъ былъ широкою душою и откликался на всякое живое и свѣжее побужденіе.

Николай Игнатьевичъ скончался на 65 году возраста, 13 Іюня 1860 года. Сыну его Сергѣю Николаевичу читатели Русскаго Архива благодарны за сообщеніе этихъ любопытныхъ Воспоминаній.

П. Б.

*) Супруга бригадира Степана Андревича и родная тетка А. П. Елагиной. П. Б.

ЕЩЕ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. И. ШЕНИГА. ¹⁾

XIX.

Любопытное дѣло Чивиниса и Зосимы.

Корфіотскій уроженецъ *Чивинисъ* въ 1820 году явился въ Константинополь къ послу нашему барону Строгонову съ желаніемъ вступить въ Русскую службу. Прекрасная наружность, вкрадчивое и образованное обращеніе понравились послу, и онъ, снабдивъ его рекомендаціей, посоветовалъ ему ѣхать въ Петербургъ и вступить въ военную службу. Чивинисъ послѣдовалъ его совѣту и, пріѣхавъ въ столицу, былъ опредѣленъ въ кирасирскій полкъ Его Величества, квартировавшій въ Гатчинѣ. Вскорѣ былъ онъ произведенъ въ офицеры, и я познакомился съ нимъ, встрѣчаясь въ нѣкоторыхъ домахъ. Въ концѣ 1824-го года, на пути въ Петербургъ изъ военныхъ поселеній, я съѣхался съ нимъ на станціи Померанье и пилъ чай. По словамъ его, онъ ѣхалъ въ Москву въ 28-ми дневный отпускъ, для свиданія съ знакомыми и земляками, и я не предполагалъ, что поѣздка его имѣетъ другую цѣль. Пріѣхавъ въ Москву, онъ остановился въ трактирѣ и, имѣя нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, познакомился въ домѣ у главнокомандующаго, у графа Кутайсова, у Оболянинова, у коменданта Веревкина и другихъ. Ловкость и любезность обратили на него вниманіе Московскихъ жителей; онъ вездѣ былъ отлично принятъ и приглашенъ на всѣ балы и собранія. Между тѣмъ онъ свелъ знакомство съ нѣкоторыми Греками и открылъ имъ подъ секретомъ, что имѣетъ тайное порученіе отъ Государя собрать подъ рукою пожертвованія въ пользу возстановляющейся Греціи и показалъ собственноручный рескриптъ Императора. Земляки его объявили, что, при всей ихъ готовности, они не довольно богаты, чтобъ сдѣлать значительное по-

¹⁾ См. Р. Архивъ 1880, III, стр. 267.

жертвованіе и совѣтовали ему обратиться къ Греку Зосимѣ, какъ богатѣйшему человѣку, не имѣющему наслѣдниковъ. Чивинись отозвался, что, зная дряхлость и слабоуміе старика, онъ боится войти съ нимъ въ сношенія и подвергать обнаруженію ввѣренное ему тайно порученіе. Греки сообщили однакожъ объ этомъ Зосимѣ и возбудили въ немъ желаніе сблизиться съ человѣкомъ, пользующимся таковою довѣренностію Монарха. Зосима былъ дряхлый старикъ 80 лѣтъ, имѣлъ въ ломбардѣ около двухъ милліоновъ капитала и извѣстенъ въ Европѣ рѣдкимъ собраніемъ драгоцѣнныхъ вещей, какъ-то необыкновенной величины и круглости жемчужиною ¹⁾, огромнымъ коралловымъ крестомъ и другими вещами, которыя составляли предметъ любопытства путешественниковъ. Будучи слабъ и дряхлъ, онъ жилъ на Никольской, въ Греческомъ монастырѣ и имѣлъ при себѣ мальчика-Грека, которому хотѣлъ упрочить будущность. Чивинись зналъ подробно всѣ эти обстоятельства, и планъ его былъ хитро начертанъ заранѣе. Давъ пройти нѣсколькимъ днямъ, онъ въ праздничный день пріѣхалъ въ монастырь къ обѣднѣ и, вынувъ Греческій молитвенникъ, сталъ по сосѣдству съ Зосимой. По окончаніи обѣдни, старикъ, догадавшись, что это тотъ человѣкъ, съ которымъ онъ желалъ свести знакомство, подошелъ къ нему и пригласилъ на чашку чаю. Послѣ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ, онъ отозвалъ Чивиниса въ сторону и объявилъ, что ему извѣстно его порученіе, и что онъ, будучи ревностнымъ патріотомъ, охотно жертвуетъ 300 тысячъ въ пользу своихъ несчастныхъ соотечественниковъ, и тутъ же вручилъ ему ламбардные билеты. Чивинись обѣщалъ немедленно довести о семъ до свѣдѣнія Государя, и черезъ нѣсколько дней самъ привезъ полученный на имя Зосимы рескриптъ за подписаніемъ Императора, съ похвалами его ревности и усердію къ дѣлу, въ которомъ Его Величество принимаетъ столь живое участіе. Зосима былъ въ восторгѣ и уговорилъ Чивиниса, вмѣсто того, чтобъ тратить понапрасну деньги въ трактирѣ, переѣхать къ нему, на что, послѣ долгаго сопротивленія, тотъ и согласился. Вкравшись въ довѣренность слабого старика, Чивинись убѣдилъ его въ необходимости доставить его воспитаннику какое-либо званіе и поставилъ себя въ примѣръ, уговоривъ его отдать его ему для опредѣленія въ военную службу. Одинъ день, обѣдая съ своимъ гостемъ, Зосима былъ удивленъ пріѣздомъ адъютанта главнокомандующаго, съ письмомъ отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ которомъ она проситъ Зосиму доставить ей въ Петербургъ рѣдкое

¹⁾ Объ этой жемчужинѣ, названной *Пелегриною* (потому что она не могла оставаться безъ движенія) есть особая книжка Фишера фонъ Вальдгейма. П. Б.

его собраніе вещей для показа величой княгинѣ Маріи Павловнѣ, находившейся тогда въ Петербургѣ, удостовѣряя, что онѣ немедленно будутъ ему возвращены во всей цѣлости. Зосимѣ призадумался; но Чивинисъ сказалъ ему, что отказать невозможно и что ему о возвращеніи ихъ опасаться нечего; но что для вѣрности не худо сдѣлать вещамъ подробную опись и засвидѣтельствовать ее извѣстными въ Москвѣ сановниками; что онѣ, будучи коротко знакомъ со многими, берется устроить все это дѣло. На письмо главнокомандующаго Зосимѣ тутъ же отвѣчалъ, что воля Государыни будетъ исполнена и чтобъ послѣ завтра было прислано за вещами, которые всѣ будутъ готовы къ отправленію. Чивинисъ дѣйствительно сдѣлалъ тотчасъ подробную опись и поѣхалъ къ графу Кутайсову, Оболяччинову и Веревкину сообщить имъ счастливое для себя событіе. что землякъ его Зосимѣ, будучи безъ прямыхъ наслѣдниковъ, отдаетъ ему все свое имѣніе и, сдѣлавъ для сего духовное завѣщаніе, по слабости своей и дряхлости, умоляетъ ихъ завтра пріѣхать къ нему на завтракъ и быть свидѣтелями его добровольнаго и свободнаго намѣренія. Эти господа, полюбивъ Чивиниса, согласились на его просьбу и въ назначенное время собрались у Зосимы, гдѣ Чивинисъ приготовилъ величольпный завтракъ. Вещи разложены были на столѣ, и при нихъ составленчая опись. Гости, въ ожиданіи завтрака, занялись разсмотрѣніемъ вещей и сличеніемъ ихъ съ реестромъ, полагая, что старикъ разложилъ свои сокровища, чтобъ пріятнѣе занять время, тѣмъ болѣе, что Зосимѣ почти не говорилъ по-русски и не зналъ совершенно Русской грамоты. Послѣ завтрака Чивинисъ подалъ Зосимѣ бумагу, во всемъ схожую форматомъ съ реестромъ и по-гречески сказалъ ему, что онѣ долженъ скрѣпить ее своею подписью; присутствующіе засвидѣтельствовали добровольную подпись и разѣхались довольные угощеніемъ. Но на дѣлѣ вышло, что Зосимѣ подписалъ не реестръ, а духовную, совсѣмъ того не воображая. Вещи уложены и на другой день при гисѣмѣ къ Императрицѣ вручены подъ росписку явившагося адъютанта, и дѣлу былъ конецъ. Чивинисъ, проживъ еще нѣсколько дней и видя конецъ своего отпуска, взялъ съ собой Зосимина питомца, возвратился въ полкъ, женился на воспитанницѣ Гатчинскаго института и завелъ экипажи, верховыхъ лошадей, домъ и проч., къ общему удивленію всѣхъ его знакомыхъ.

Вскорѣ по отъѣздѣ Чивиниса, прибыли въ Москву два путешественныя Англичанина съ рекомендаціей къ главнокомандующему, который поручилъ адъютанту своему Василью Толстому ¹⁾, моему старин-

¹⁾ Отцу Юрья Васильевича Толстаго. П. Б.

ному товарищу, какъ знающему хорошо Англійскій языкъ, показать имъ всѣ Московскія достопамятности. Осмотрѣвъ все, достойное любопытства, за обѣдомъ князь вспомнилъ о кабинетѣ Зосимы и поручилъ Толстому освѣдомиться, когда тотъ можетъ имъ показать ихъ. Зосима удивился и отвѣчалъ, что князь вѣроятно забылъ, что вещей этихъ до сихъ поръ еще не получено отъ Императрицы. Князь Голицынъ съ своей стороны удивился этому отзыву и послалъ полицеймейстера узнать, въ чемъ дѣло. Зосима разсказалъ подробности, показалъ письма Государя и Императрицы, которыя, разумѣется, найдены фальшивыми. Спросили у Кутайсова и другихъ, и тѣ отвѣчали, что вещи они видѣли, но что подписывали духовную, о которой въ свою очередь Зосима не зналъ ни слова. Всѣ подозрѣнія пали на Чивиниса. Его схватили, посадили въ крѣпость; а флигель-адъютанта Германа послали въ Москву разыскать дѣло въ подробности. Все обнаружилось. Изъ полученныхъ денегъ Чивинисъ успѣлъ истратить только 80 т.; остальные отняты, а духовная уничтожена. Судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ правъ и къ ссылкѣ; но по ходатайству Маріи Ѳеодоровны, которая лично знала жену его, Чивинисъ былъ высланъ за границу.

Вещи Зосимины не достались однакожъ и Чивинису: подложный адъютантъ былъ лакей его, который, получивъ ящикъ, убѣжалъ обратно въ свое отечество—Турцію, и слѣдовъ его открыть не могли. Старикъ Зосима такъ былъ растровоженъ этимъ происшествіемъ, а еще болѣе утратою своихъ рѣдкостей, которыя составляли всю его отраду и гордость, что вскорѣ умеръ. Онъ до конца жизни говаривалъ, что по счастію лучшія изъ его сокровищъ (жемчужина и крестъ) не попали въ число украденныхъ вещей и хранятся у него; но никому больше ихъ не показывалъ, и послѣ смерти они нигдѣ не отысканы ¹⁾.

Для изслѣдованія этого дѣла, былъ посланъ Государемъ Александромъ Павловичемъ флигель-адъютантъ Александръ Ивановичъ Германъ, мой хорошій пріятель, впоследствии генералъ-маіоръ и начальникъ штаба, умершій въ 1829 году въ Турціи, бывшій долго въ Берлинѣ военнымъ агентомъ, отъ котораго я и знаю подробности этого интереснаго происшествія.

¹⁾ Разсказываютъ, что съ тѣхъ поръ жемчужину свою Зосима держалъ за десною, во рту. П. Б.

XX.

Полковникъ Вогакъ.

Въ 1817 году, будучи произведенъ въ офицеры, я часто встрѣчалъ во дворцѣ, на выходахъ, на балахъ и на разводахъ состоящаго по кавалеріи полковника Вогака, красавца собою, имѣвшаго Георгіи, Анну съ брилліантами, *rouge le mérite* и много другихъ крестовъ. Онъ не имѣлъ никакой должности и по причинѣ полученныхъ будто бы въ сраженіяхъ ранъ носилъ мундиръ и жилъ въ Петербургѣ. Однажды князь П. М. Волконскій, бывшій тогда начальникомъ Главнаго Штаба, гуляя по Невскому проспекту, встрѣтилъ его, остановилъ и изъ любопытства спросилъ, въ какомъ полку служилъ онъ прежде и кто былъ его полковой командиръ? Вогакъ смѣшался и отвѣчалъ не въ попадѣ, назвавъ командиромъ того, кто никогда тѣмъ полкомъ не командовалъ. У князя Волконскаго память была необыкновенная, и ему показалось странною таковая ошибка; онъ велѣлъ Вогаку явиться къ нему на другой день въ Инспекторскій Департаментъ.

Прибывъ туда на другой день, онъ не нашелъ Вогака и велѣлъ Закревскому, бывшему тогда дежурнымъ генераломъ, подать списки и формуляръ непришедшаго полковника. Въ печатномъ спискѣ Вогакъ былъ показанъ состоящимъ по кавалеріи; но формуляра его нигдѣ найти не могли. Фельдъегерь былъ тотчасъ посланъ къ нему на квартиру; но тамъ сказали, что онъ вчера же съѣхалъ неизвѣстно куда; справились въ полиціи, и тамъ слѣдовъ не оказалось. Поручено было и полиціи, и фельдъегерямъ вездѣ искать Вогака; но нѣсколько недѣль искали понапрасну; наконецъ, одному фельдъегерю попался онъ нечаянно въ публичномъ домѣ и былъ схваченъ.

На допросѣ показалъ онъ, что никогда въ службѣ не былъ, а чины и кресты пріобрѣлъ обманомъ. Въ 1812 году, во время суматохи, всѣ, кто хотѣлъ, опредѣлялись въ милицію, и частные начальники, принимая въ ополченіе, неакуратно присылали въ тогдашнее военное министерство списки опредѣляющихся. Вогакъ, сынъ Петербургскаго кондитора, молодецъ собою и довольно образованный молодой человѣкъ, безъ всякаго опредѣленія надѣлъ мундиръ и съ фальшивымъ отпускомъ, за полученною будто бы подъ Полоцкомъ раню, явился къ военному министру князю Горчакову и лечился въ Петербургѣ; уѣхавъ изъ столицы, онъ въ началѣ 1813 года явился оиять уже ротмистромъ и съ крестомъ и, пробывъ нѣсколько недѣль, опять уѣхалъ изъ Петербурга, что и повторялъ онъ нѣсколько разъ, являясь то майоромъ, то подполковникомъ и наконецъ въ 1814 году полковникомъ со всѣми

орденами. Князь Горчаковъ, привыкши его видѣть, выдавалъ ему и видъ для прожитія, и паспортъ для проѣзда въ армію, и внесъ его въ списокъ полковниковъ. Въ 1815 году, при преобразованіи министерства въ Главный Штабъ Е. И. В., архивы были туда переданы; но никому не приходило въ мысль дѣлать повѣрку напечатанныхъ списковъ, и Вогакъ имѣлъ смѣлость показываться на глаза и Государю, и всѣмъ начальникамъ. Собственное его признаше облегчило изслѣдованіе, и онъ до конфирмаціи суда былъ посаженъ на гауптвахту, бывшую противъ Адмиралтейства, въ домѣ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ и содержался нѣсколько мѣсяцевъ. По окончаніи слѣдствія Государь приказалъ послать его рядовымъ въ Грузію, и сентенція была ему сообщена. Въ тотъ же день, когда слѣдовало его обрить и стравить, онъ, дождавшись смѣны поваго караула, вышелъ въ отхожее мѣсто и тамъ перерѣзалъ себя бритвою горло. Старый и новый караульные офицеры, занятые сдачею, были освобождены отъ отвѣтственности.

XXI.

Самозванецъ графъ Медингъ.

Въ 1820 году появился въ Петербургъ Англійской службы капитанъ графъ Медингъ, ушедшій изъ Англіи по причинѣ несчастной дуэли. Онъ привезъ къ банкиру Ливіо неограниченный кредитивъ отъ отца своего, извѣстнаго богатаго владѣльца въ Ганноверѣ. Генераль-губернаторомъ въ Петербургъ былъ тогда Милорадовичъ. Медингъ явился къ нему, объяснилъ свое положеніе и умѣлъ втереться въ милость и въ дружбу къ благородному, но вѣтреному и легковѣрному графу, который началъ всюду вывозить его съ собою, ѣздить съ нимъ въ театръ и на гулянья, прогуливаться верхомъ и, словомъ сказать, держалъ его при себѣ неотлучно. Наружность Мединга не соотвѣтствовала его званію: онъ былъ небольшого роста, волосы красные и всѣ пріемы довольно подлые; но говорилъ онъ бойко на нѣсколько языкахъ, завелъ экипажъ и отличныхъ верховыхъ лошадей и ѣздилъ мастерски. Государь былъ въ это время за границей на конгрессѣ. Милорадовичъ, очарованный мнимымъ графомъ, написалъ объ немъ къ Императору и просилъ опредѣлить его въ лейбъ-гусарскій полкъ, находя, что богатый человекъ и отличный ѣздокъ есть для полка совершенная находка. Во время этихъ переписокъ, банкиръ Ливіо, выдавъ Медингу слѣшкомъ 100 т. р., сообщилъ о томъ въ Ганноверъ; но получилъ въ отвѣтъ, что старый графъ не принимаетъ этого долга, потому что сынъ его, хотя и дѣйствительно имѣлъ дуэль и думалъ уѣхать въ Россію, но былъ

прощенъ и теперь находится при полку въ Англіи; а во время его поѣздки онъ былъ обкраденъ своимъ рейткнехтомъ, который унесъ у него и деньги, и шкатулку съ бумагами, о чемъ тогда же было вездѣ опубликовано. Ливіо бросился къ Милорадовичу, который увидѣлъ, что попался въ руки мошеннику и поручилъ оберъ-полицеймейстеру Горголи открыть истину. Медингъ вздумалъ было заператься; но появленіе розогъ открыло обманъ; онъ признался и былъ высланъ за границу, а старый графъ Медингъ заплатилъ, кажется, Ливіо за понесенный имъ убытокъ.
